

P34380

Леонид СОБОЛЕВ

ПРОГАМИ ПОБЕД

ЮССА — КРЫМ — СЕВАСТОПОЛЬ —
КОНСТАНЦА — БУХАРЕСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1946

Под крылом самолёта

Мы летели в Одессу.

Самолёт идет над огромными просторами освобожденной нашей земли. Чем дальше от Москвы, тем меньше снега, и за Орлом тонкая его пелена уже не может скрыть следов войны, истерзавшей за эти два года русскую землю. Вся она в круглых жёлтых язвах орудийных окопов, в глубоких, извилистых порезах траншей, в толстых шрамах противотанковых рвов, в густой сыпи воронок от мин, бомб, снарядов. Под крылом проходят города с зияющими пустырями разрушенных кварталов, с обугленными коробками домов без крыш. Чернеют сожжённые деревни. Страшным видением, от которого сжимается сердце, проходят справа развалины Днепрогэса... Горько и больно видеть лицо родной земли, изуродованное войной.

Сколько человеческого труда, таланта и надежд было вложено в эти заводы, сёла и города, сколько светлой жизни, свободной и привольной жизни! И всё это разрушено, разгромано, сожжено. И сколько человеческого страдания, которого не увидишь глазом, осело на этой земле, где прошёл немец — палач, убийца и разрушитель, уничтожитель всякой жизни и свободы...

Мысль отказывается найти меру возмездия.

Если кто устал в лишениях военного времени, если кого

изготит трудная жизнь третьего года войны, — я хотел бы, чтобы он вот так, с самолёта, где быстрый полёт сжимает пространства и откуда глаз охватывает всё разом, увидел бы эти огромные просторы разорённой земли, залитой человеческой скорбью, увидел бы эти города — и следы городов, деревни — и золу деревень. Я хотел бы, чтобы он угадал в этих развалинах бледные призраки умерщвлённых немцами наших людей, подумал бы о пропавших и разлучённых семьях, о детях, бесследно исчезнувших на дорогах войны, о нашей молодёжи, уведённой стюдами в рабство. Всё трудное покажется ему тогда лёгким и выполнимым. Огромная ненависть к врагу, причине этого зла и беды, придаст ему сил. Всё можно сделать, увидев это.

Говорят, мы, русские, отходчивы и добросердечны, мы легко забываем причинённое нам зло. Этого зла забыть нельзя. О нём надо помнить всегда и везде: в окопе и в атаке, на заводе и в поле, в школе и в семье, на работе и во сне. О нём надо будет помнить и в день окончательной нашей победы. Нашего счёта фашистской Германии не смогут оплатить до конца ни она сама, ни связавшиеся с нею государства, ибо чем можно оплатить драгоценные жизни людей наших? Но пусть немцы и те, кто разрушал вместе с ними, годы и годы исправляют все беды, причинённые ими нашим городам, нашей земле. Это они смогут сделать — и это они обязаны сделать!

Чем далее к югу, тем прозрачней и ярче синева неба. Дружная весна подняла всходы. Зелёными коврами лежат внизу поля, влажной, прелой чернью темнеют массивы поднятой зяби. Ползут по узким полевым дорогам тракторы, и кто-то машет платком пролетающему самолёту. Жизнь, неистребимая, неуничтожаемая, кипит на полях и преобразует землю. И удивляешься, какая огромная сила живёт в нашем народе! В пламени войны, рядом со сгоревшей хатой, в лишениях и в горе, едва вернувшись

на родные места, он уже трудится в поле, возвращая хлеб для нашей страны, для её армии.

Нельзя победить страну, в которой труд идёт по пятам боя вплотную, как вплотную за огневым валом артиллерии идёт в атаку солдат. Нельзя сломить страну, в которой сила народа, как живая вода в сказке, одним касанием возвращает жизнь убитой врагом земле. Такой народ и такая страна — непобедимы.

Невыразимо — слепительно, торжественно и спокой-но сверкнуло в глаза широкое Чёрное море. Мы летим вдоль берега на Очаков, и совсем другая земля проплывает под нами. Не видно мягкой черноты вспашки; узкими, тесными полосками идут бедные посевы; пусты и заброшены поля. Здесь недавно были немцы. Лишь глубокие царицины траншей бегут вдоль крутого берега моря. Так и кажется: стоял здесь немец, стоял, втиснув в нашу землю шипы подкованных своих сапог, пока не ударили его сокрушительным ударом под подбородок, — и тогда он упал, поскользнувшись и исцарапав землю обеими подошвами.

И вот мы подлетаем к Одессе.

Узкими, длинными озёрами блестят внизу лиманы Куяльницкий, Андреевский, Хаджибейский, проходят Луцкая, Зановка, Григорьевка, Крыжановка, видна Пересыпь...

Как странно видеть линию нашей обороны с самолёта. Тогда в осаде, нам казалось, что она страшно далека от берега — целых двенадцать километров! Мы гордились этим и радовались этому. Теперь, с самолёта, видно, что линия обороны было угрожающе близко, вплотную к городу. И уже не понимаешь, как смогли защитники Одессы держаться за неё более двух месяцев.

Оборона была создана за несколько дней, в боях, под снарядами, минами и бомбами врага. На фронт вышли части Приморской армии, Чапаевская дивизия под командованием генерал-майора И. Е. Петрова и моряки одес-

ской базы. Здесь не за что было зацепиться, — ровная, как блюдо, степь, в которой разбросаны редкие пригорочки да торчат посадки из акаций и кустов. В степи, без укрытий, в наспах вырытых окопах защитники Одессы остановили врага.

Город, стиснутый в кольцо, прижатый к морю, сказал: — Нет. Так легко вы здесь не пройдёте!

И на долгие шестьдесят девять дней задержались у Одессы дивизии врага, кидаясь в атаки по семь-восемь раз в день. Круглые сутки висели его самолёты над городом и рейдом, бомбя дома и корабли. Батареи Даличка, Дофиновки и Григорьевки обстреливали город и порт. Враг старался порвать тонкую ниточку морской коммуникации, единственную связь с Большой землёй — с Севастополем. Части Красной Армии, полки морской пехоты, морские береговые батареи, повёрнутые в тыл, — на сушу, авиация, базировавшаяся на засыпаемых снарядами аэродромах, корабли, отбивавшиеся от воздушных атак, и горожане, беззащитные от бомб и снарядов, держали Одессу.

Город сидел без пресной воды: городская станция водопровода в Беляевке была в руках врага. В газете появилось постановление горсовета о нормах отпуска питьевой воды и о рытье колодцев во дворах и на улицах. Это напоминало средние века: крепость в осаде, вода на исходе.

Одесса вовсе не была крепостью. Это был мирный, весёлый и трудолюбивый город, никогда не помышлявший об осаде. Но в Великой отечественной войне оказалось, что Одесса и в самом деле была крепостью: крепостью негибемого советского духа.

Городу было трудно. Фронт проходил по предместьям — почти до самых окопов ездили на трамвае. Аэродромы немцев придвинулись к городу. Противовоздушная оборона не успевала предупреждать жителей, и часто свист бомбы раздавался ранее воя сирены. Неустрашимый юмор

одесситов изобрёл особое наименование такой воздушной тревоге: «УБ» — «уже бомбили».

Дома, построенные из пористого известняка, разваливались от бомбы до самой панели, и жители нашли надёжные убежища в Аркадии, в каменоломнях. Туда под вечер таборами тянулись семьи, чтобы утром вернуться на работу. Воздушные палачи сбросили пятисотку на трамвайное кольцо, в огромную толпу женщин и детей... Те, кому пришлось видеть страшную эту площадь в тот вечер, навсегда запомнили её.

Ненависть кипела в Одессе, в окопах, на батареях, на кораблях. Ненависть жила в сердцах красноармейцев, моряков и горожан. Ненависть к врагу помогала держаться и совершать подвиги, на которые уже не обращали внимания: подвиги стали нормой поведения защитников Одессы.

Подростки-колхозники и девушки провожали разведчиков по тылам врага, по родным местам. Юноши взялись за винтовки. Научные работники стреляли из орудий. Лейтенант Дионисий Бойко, командир батареи, преподаватель марксизма-ленинизма в Индустриальном институте Одессы, 17 сентября в течение девяти часов прямой наводкой на триста метров отбивался у Лявенталю от окружавших его румын. Вся его батарея была из одесситов: инженер-пищевик, инженер-электрик, токарь, электросварщик... Старики в разрушенных бомбёжкой цехах делали свои — одесские — миномёты, мины, починяли трофейное оружие, в изобилии доставляемое с переднего края после отбитых румынских атак. Здесь делали «гвоздемёты» — странный, но страшный на близком расстоянии прибор: водопроводная труба, начинённая гвоздями, шурупами, обломками металла. Здесь ковали «одесские кинжалы», особенно полюбившиеся разведчикам, здесь сочинили особую модель танка «НИ» («на испуг») — трактор, обшитый бронёй и снабжённый пулемётом и пушкой, конструкция морского инженера капитана Когана (семь таких «НИ»),

однако, с успехом опрокинули румынскую атаку у Дальника). Женщины ходили под снарядами по огородам у переднего края, заготавливая бураки и картошку на зиму...

Одесса дралась чем могла и как могла. И каждое утро врага встречало упрямое и гордое слово «нет!»

Основой обороны города были морские береговые батареи капитана Дененбурга. Орудия пришлось повернуть с моря на сушу. Всю осаду они били по дорогам, по резервам, по накапливающимся перед атакой румынам. Корректировщики-моряки вылезли на передний край и, сидя под самым носом румын, ловили малейшее их передвижение. Точность флотского «огонька» полюбилась армейским командирам, и, как правило, огонь морских батарей вызывался не раньше того, как цепи румын поднимались уже в атаку. И каждая из батарей — Никитенко, Шкирман, Куколева — мгновенно и точно отвечала на «заказ» армейских командиров, после чего происходил телефонный обмен любезностями: «Спасибо, моряки, в самый раз!» — «Кушайте на здоровье...»

Батарея старшего лейтенанта Куколева, очутившаяся в прямой видимости румын, была в особенно трудном положении: едва она открывала огонь — противник начинал засыпать её своими снарядами. Но Куколев тут же жаловался Шкирману, тот «призывал немцев к порядку» своими точными залпами, и куколевцы продолжали огонь, всегда убийственный для врага.

На этой героической батарее, всё время жившей под угрозой прямой атаки врага (и однажды отбившей его прямой наводкой), царил тот удивительный жизнерадостный флотский дух, которым отличается в бою моряк, где бы ни привелось ему драться. Для характеристики я привожу, ничего не изменяя, страничку моей записной книжки от 21 сентября, заполненную на командном посту батареи Куколева:

«10.12. Кончился налёт на батарею. 6 «Юнкеров», повреждений нет.

10.14. Кок принёс завтрак. Куколев: «Что так скоро?» Оказалось, кок переждал налёт в кустах у компоста: «Боялся перебежать полянку, больно строчили пулемётами...»

10.22. Звонит Ишков (корректировщик, лейтенант): «В ложбинке (координаты) румын штук полтора ста». Куколев от котлеты: «Мало». Снова звонок: «Двести набралось». — «Мало, обождать».

10.30. Ишков: «Штук триста есть». — «Шевелятся? Нет? Ждать».

10.32. Ишков: «Лезут!» — «Вот это дело другое...» Идёт стрельба.

10.36. Куколев телефонисту: «Спросить Ишкова, как замыны себя ведут?» — «Бегут». — «Куда? Может, на наших?» Обиженный голос Ишкова: «Куда ж они могут ещё бежать? Удирают!.. Ориентир такой-то, отсечём от ложбинки». Батарея стреляет беглым огнём, вахтенный у журнала философски: «Стреляли по живым целям, а теперь писать как?.. По мёртвым?..»

10.38 Ишков в восторге: «Сапоги в воздухе, а в сапогах ноги!.. Огоньку, огоньку!»

10.40. Огневой налёт па нас с Александровки. Куколев вызывает Шкирману, жалуется: «Сосед обижает». Шкирман открыл огонь. Тут же голос Ишкова: «Кончено. Вопросов больше не имею, сотни руманештей тоже». Куколев командует дробь¹. В компост заскочили комендоры первого орудия Синицын, Хорошилов, Кисельман — ухитрились втроём вести огонь под снарядами. Куколев: «Почему в укрытие не уходили?» — «Да в нас не падало, товарищ старший лейтенант...» А штаны у них — в дырках, и Синицын ранен...»

За все дни, проведённые на батареях, только раз я и

¹ Сигнал отбоя, прекращение огня.

видел сумрачные лица. Это было, когда долго не подвозили из Севастополя снаряды и пришлось отказываться армейским командирам в «огоньке». Зато, когда «огурчики», наконец, доставили, батареи тут же закатили «концерт без антрактов».

Когда Одесса была фактически оставлена, когда армия уже шла на транспортах в Крым для боёв на Ишуньских позициях, и морские полки — Первый и Третий — уже грузились ночью на последние транспорты и когда окопы перед румынами были пустыми, — морские батареи Одессы день и ночь били по всему фронту, создавая у румын впечатление подготавливаемого решительного удара. И, выпустив последние снаряды, батареицы взорвали на рассвете орудия и ушли на шлюпках последними из Одессы. Свыше суток румыны боялись поднять головы. Только на следующий день они вошли в город. Это румыны называли «Мы взяли Одессу штурмом...»

Героическая работа лётчиков полка майора Шестакова, которые под обстрелом батареи врага подымались с аэродрома, не успевали до переднего края набрать высоту, летали на машинах, трижды исчерпавших ресурсы, — была второй особенностью Одессы. Лётчики делали по пять-шесть вылетов за день. Часть из них вынужденно обучалась ночным полётам, что сильно сократило ночные вылеты немцев. Истребители работали за штурмовиков. Замечательный по смелости и внезапности налёт совершила эскадрилья старшего лейтенанта Елохина — лётчики Маланов, Осечкин, Королёв, Череватенко, Моисеенко, вместе с командиром полка майором Шестаковым. Бреющим полётом, почти в темноте, на рассвете они вышли на вражеский аэродром, сожгли на земле четырнадцать немецких бомбардировщиков — и два дня Одесса отдыхала от бомб... К 29 сентября каждый из лётчиков этого полка имел не меньше ста боевых вылетов за осаду, а полк уничтожил девяносто три немецких самолёта...

Здесь, в Одессе, прошли великолепную боевую школу корабли. Крейсера и миноносцы приходили обстреливать берега, тральщики вели упорную опасную работу по расчистке для них фарватеров. Сторожевые катера несли конвойную службу и особенно досаждали врагу в охране Одессы с моря: они изображали собой в море выносные посты ПВО и заодно встречали гостей таким огнём, что часто самолёты, не доведя груза до Одессы, сбрасывали бомбы на катера. Здесь выработались те моряки-катерники, которые потом увенчали себя славой в феодосийском и керченском десантах, в борьбе за Новороссийск. В Одессе провёл начало войны будущий Герой Советского Союза Державин, здесь начинали свой славный боевой путь командиры катеров Тимошенко, Скляр, Михайлов, Щербинин...

И здесь, в Одессе, рождалась в те дни бессмертная слава морской пехоты. «Чёрная туча», «чёрные дьяволы» — эти прозвища, данные врагом советским морякам, дравшимся на суше, появились в Одессе. Здесь воскресли традиции гражданской войны, здесь возродилось орлиное племя матросов революции, чьи бушлаты и бескозырки чернели когда-то в степях Донбасса, в лесах Урала и под Царицыном. Здесь, в Одессе, было положено начало сияющим подвигам морских бригад и полков, дравшихся потом под Севастополем и под Новороссийском, на горных перевалах Кавказа и в степях Кубани, на Таманском полуострове и в Керчи. Даже под Москвой, в дни нашего январского наступления 1942 года, я встретил потом многих моряков, защитников Одессы.

Командиром Первого морского полка и его организатором был полковник Яков Иванович Осипов, командир Одесского порта, матрос с «Гангута» и «Рюрика», командир матросского отряда на Волге в гражданской войне. В этом прекрасном коммунисте, отважном воине и тонком психологе сказались лучшие качества моряка. Осипов и

его комиссар Митраков сумели создать из сборного отряда моряков с разных кораблей, из разных частей монолитную грозную силу. Полковник Осипов на своей легендарной машине, на которой он носился по своим «хозяйствам», был вездесущим. Его видели моряки в самые опасные моменты рядом с собой. Шуткой, серьёзным разговором, личным примером отваги и военной смекалки он учил моряков биться на суше, и за короткий срок полк Осипова приобрёл в Одессе заслуженную славу.

Мы пролетаем над Жеваховой горой. Румыны стремились взять её, чтобы стрелять по Одессе прямой наводкой. На этом участке в начале августа их остановил Первый морской полк и до подхода подкреплений фактически один держал две недели весь правый фланг фронта за Пересыпью.

Дрогнуло сердце: внизу аккуратным прямым углом видна агротехническая посадка у Ильичёвки. Самолёт проходит низко, и видно, что акации её и кустики покрыты густой зеленью. Тогда, в осаде, я не нашёл здесь ни одного целого листочка: все они были сбиты, прострелены, сорваны металлическим дождём осколков и пуль. Три недели сидел здесь в окружении третий батальон осиповского полка моряков, отбиваясь от двух пехотных и одного артиллерийского полка румын.

Обрыв берега у Григорьевки... Сюда с кораблей выса́дился десант моряков для захвата немецких батарей, обстреливавших порт и не дававших нам спокойно выгружать с транспортов войска и боезапас. Операция, внезапная и смелая, началась в ночь на 22 сентября: крейсера высадили десантный Третий морской полк, самолёты сбросили в тыл врага моряков-парашютистов. Первый морской полк ударил из своей знаменитой посадки под Ильичёвкой во фланг немецкой батареи. Трёхдневный бой моряков отбросил румын на девять километров — дистанция для Одессы огромная! — за Гильдендорф. И по ули-

цам Одессы провезли немецкие орудия, и на стволе каждой пушки было написано: «Она стреляла по Одессе — больше не будет!», и одесситы, как всегда, бурные в чувствах, провожали орудия, отбитые моряками, аплодисментами.

Позже я увидел эти орудия у Исторического музея в Севастополе, и это получило в моих глазах особый, важный смысл.

В Севастополе бились Третий морской полк и моряки Первого морского полка. Здесь были артиллеристы с одесских батарей. Сюда пришли с Перекопа и части Красной Армии, державшие Одессу, и сухопутной обороной Севастополя командовал тот же одесский генерал-майор И. Е. Петров, и сторожевые катера одесских дивизионов охраняли Севастополь с моря и конвоировали проходящие в него транспорты с Большой земли. Одесса возродилась в обороне Севастополя, и традиции одного города-героя перешли к другому.

Навсегда запомнился мне тот солнечный октябрьский день 1941 года в осаждённой Одессе, когда в новом — зловещем — звучании услышал я родное, с детства любимое слово «Севастополь».

Это было в самый тяжёлый период начала войны. Немецкие полчища подходили к Москве. На севере они вплотную осадили Ленинград. Здесь, на юге, их армии подкатились к Мариуполю и Таганрогу, стучались в Перекоп, и угроза Крыму стала реальной. Одесса осталась в глубочайшем тылу врага. Севастополь, который сам готовился к обороне, уже не мог снабжать её боеприпасами. Родина, напрягавшая все силы на огромном фронте, где на каждом участке шли тяжёлые бои, не могла присылать резервов ни в Крым, ни в Севастополь. Каждый воин был на счету, и каждый воин был нужен в Крыму, в Севастополе.

Едва мы отметили двухмесячный юбилей обороны Одес-

сы, как я узнал о том, что наши морские полки, Приморская армия и корабли эвакуируются в Крым для защиты Севастополя. Приказ Верховного Главнокомандования отзывал нас в Крым.

Одесса сделала всё, что требовала от неё родина. Шестидесят девять дней она оттягивала на себя двадцать дивизий врага, — и могла бы держать их и дольше, если бы Крыму не угрожала опасность. Половину румынской армии перемолола в боях Одесса, — и всю бы уничтожила, если б не Крым. По шесть врагов приходилось на каждого из защитников Одессы, — по десять бы приняли, если бы не Севастополь...

Лишь теперь, когда, всматриваясь вперёд, уже ясно различаешь в кровавых дымах войны сияющий облик победы и когда, оглядываясь назад, видишь этапы великой войны уже отлитыми в бронзу истории, — лишь теперь понимаешь, чем была Одесса в ходе Отечественной войны.

Одесса была первым городом, который сумел не только задержать, но и надолго остановить огромные подступы врага, ослеплённого лёгкими европейскими успехами. Чтобы пройти всю Францию до Парижа, Гитлеру понадобилось тридцать семь дней. И шестидесят девять дней он топтался у Одессы. Эти цифры многозначительны.

Одесса начала свою героическую оборону в первых числах августа. В конце его начал свою героическую эпопею другой морской город — Ленинград. В октябре началась великая битва за Москву, закончившаяся декабрьским разгромом немцев. В ноябре на их пути встал Севастополь. И, наконец, в ряду городов-героев поднялся над Волгой Сталинград — могила немецких успехов, первый видимый всем луч несомненной нашей победы.

Но зарождение этой победы — было здесь, в Одессе. Одесса учила нас, как сдерживать напор врага, чтобы дать стране драгоценные дни и месяцы, нужные для подготовки встречного сокрушительного удара.

На бушлатах моряков, встреченных мной в первые дни освобождения Одессы, я увидел сева­сто­польские медали. На гимна­стёрках красноармейцев, штурмовавших Севастополь на самом трудном участке, я видел медали Сталинграда. Это не совпадение. Это логика Отечественной войны. Города-герои отда­ют друг другу старые долги. Одесса научила Севастополь, как держаться против огромных сил врага. Героический пример Севастополя научил Сталинград стоять до конца. Там, в Сталинграде, оборона наша обернулась наступлением. Города-герои пошли на запад, — и сева­сто­польцы пришли к Одессе, сталинградцы — к Севастополю.

Уходя из Одессы, мы, конечно, не могли ещё понимать, что такое Одесса в истории Отечественной войны. Но сердцем, любовью к родине, горечью нашей за её раны и страстной ненавистью к врагу мы угадывали это, и каждый из защитников Одессы, покидая её, говорил, как клятву:

— Мы вернёмся, Одесса... Мы вернёмся!

И мы вернулись.

В Одессе

На промежуточном аэродроме мы справлялись, как садиться в Одессе: это был третий день её освобождения, а у немцев есть привычка минировать аэродромы. Лётчик, только что прилетевший из Одессы, деловито пояснил:

— Летите на школьный аэродром, там немцы для нас «Т» выложили... Садитесь к нему впритирочку, аккуратно получится.

И вот мы увидели это «Т» — посадочный знак. Он был огромных размеров и, вопреки правилам, чёрного цвета. Снизившись, мы рассмотрели, что это был «Мессер-шимитт-323» — громадная транспортная многомоторная машина. Утром 10 апреля она, нагружённая немецкими офицерами, коврами, штабниками, швейными машинками и прочим, что считают нужным вывозить немцы, пыталась взлететь. Обгорелые её обломки лежали на аэродроме, распростёрши гигантские крылья в виде буквы «Т». По этому оригинальному посадочному знаку мы и сели в Одессе. Рядом чернели обгорелые самолёты помельче, и на бетонной взлётной дорожке лежали бомбы. Немцы не успели ни взорвать аэродрома, ни взлететь...

Мы поехали в город по Овидиопольскому шоссе, разглядывая сожжённые и разбитые машины. Награбленное добро виднелось в них. Лежали брошенные узлы, оказавшиеся помехой немцам, бежавшим из Одессы пешком. На Мельничной улице, которая вливается в шоссе, мы увидели около двухсот машин сразу: они были нагромождены друг на друга и все сгорели.

Вечером 9 апреля вся эта масса машин ринулась на шос-

се. Получилась пробка, машины задержались: Тогда из домов на передние машины полетели гранаты, те вспыхнули, и огонь перекинулся на всю колонну. Немцы выскочили из машин. Их встретил винтовочный огонь, уложивший тут до двухсот солдат и офицеров: партизаны, вышедшие из катакомб под городом, провожали из Одессы ненавистных гостей. Одесситы потеряли в этом бою пять человек. Могилы их виднелись рядом в сквере, в цветах и флагах.

Так встретила нас Одесса: следами разгромленного врага и памятниками мужества одесских патриотов.

Мы пошли дальше, в город.

Тени каштанов, начинающих уже одеваться листвою, лежат на мостовых густой чернью, яркое южное солнце слепящим светом заливает широкие и прямые улицы, и в стройной перспективе красивых домов виднеется вдали синее просторное море... Одесса встречает нас праздничной толчеёй на улицах, красными флагами на домах, сиянием солнца и моря, улыбками встречных, быстрым певучим разговором расспросов и приветствий и — Одесса без этого не Одесса! — шумными стайками черномазых мальчишек с ваксой, щётками и скамеечкой за спиной. Мы покорно подчиняемся неизбежному ритуалу вхождения на Дерибасовскую — и ставим правую ногу на скамеечку.

И кажется — не было этой тридцатимесячной разлуки с Одессой. Она всё та же, — живая, шумная, страстная, какой была она в горячие дни обороны. И под каштанами её снова проходят ладные фигуры красноармейцев с оружием, и моряки в высоких сапогах, оживляя в памяти первые дни морозной пехоты, взбираются на деревья с катушкой связи, и танки грохочут по брусчатой мостовой, и тот же дух неистребимой энергии, живости, жажды деятельности, присущий Одессе, кипит на улицах. Только удивляет тишина в небе и невозмутимая ясность его синевы: тогда, в осаде, в нём постоянно белели облачка

спрагивательных разрывов, и вечный гул очередного «Юнкерса» висел над городом, время от времени сменяясь воем бомбы или свистом снаряда с Дофиновки или из-за Дальника.

Но первый же разговор с крохотным жрецом чистоты, колдующим над моим ботинком, сразу напоминает о тридцати месяцах рабства вольного города. Протягивая сдачу, мальчик поднял лицо, и меня поразило полное отсутствие передних зубов. Шепелявя, он объяснил:

— Офицер румынский... Вакса у меня засохла, я плюнул на щётку, а он увидел, да как даст мне сапогом в лицо... Так и выскочили...

В серых его глазах промелькнул мрачный огонёк. Сидя оглянувшись (видимо, по привычке, нет ли кого чужого) закончил:

— Ну, мы им тоже насолили. Две баночки с ваксой стали носить: одну — для наших, другую — для румын. Серной кислотой разбавляли... Ух, и горели у них сапоги... В труху!

Он засмеялся. Выщербленный оскал детского рта остался в моих глазах страшным видением бесправия и рабства. И вся радость свидания с Одессой омрачилась. Я смотрел на улицы — и зияющие провалы разрушенных немецкой бомбёжкой домов всё время напоминали мне об этом изуродованном детском рте.

Среди знакомых со времени осады разрушений мы увидели и новые.

Почтамт, уцелевший до нашего ухода из Одессы, стоит теперь одной стеной, зияющей гигантскими проломами, сквозь которые видны небо и заваленный рухнувшей крышей великолепный зал. Немцы, уходя, взорвали почтамт тремя стокилограммовыми бомбами. Здание ЦДКА развалено. Вокзал, изумительный одесский вокзал, больше не существует; вместо него за деревьями сквера видна вязкая груда камней. В подвалах многих домов и особен-

но учреждений были заложены мины замедленного действия и мины-сюрпризы: те, которые взрываются через месяц-два при повороте определённого выключателя или при открывании какой-либо двери. Но по всем улицам на воротах мы встречаем успокоительные надписи: «Дом свободен от мин. Старшина такой-то».

Эти разрушения сделаны и подготовлены немцами: 20 марта, не надеясь на стойкость румын, немцы взяли оборону Одессы на себя. Они сменили румынский гарнизон, отослали румынские власти и пытались удержать натиск Красной Армии. Когда дело оказалось проигранным, немцы за пять-шесть дней до подхода наших войск к Одессе начали по плану взрывать город и промышленность. Они уничтожили все заводы, порт и его сооружения, зажгли хлебный элеватор. На улицах через каждые два квартала вы натываетесь на яму в панели: здесь взрывом мины уничтожился колодец телефонного кабеля. Десятки домов стоят на улицах, ещё тлея в перекрытиях.

Так, мы увидели у набережной красивейшее здание музыкальной школы имени Столярского; развалины его ещё дымилась, огоньки перебегали под пеплом обугленных балок, и странно было услышать из тлеющих руин звуки рояля. Кто-то всё-таки играл чижика одним пальцем, вдохновенно, но нехотя барабана пятернёй по басам. Зайдя во двор, мы увидели одесского парнишку за великолепным роялем. Рядом, в нише ворот, стояло ещё пятнадцать совершенно целых инструментов. Их вытащили из огня преподаватели школы. И на уцелевшей колонне подъезда уже белел рукописный листок, объявляющий о наборе слушателей в новом помещении школы.

Одесситы спасали не только инвентарь горящих школ и учреждений. Они отстояли и самые здания. Так было с Одесским оперным театром.

Он был намечен немцами к взрыву и сожжению в последний момент — после трёх часов дня 9 апреля. Немцы

знали, что одесситы, патриоты своего театра, установили за ним наблюдение. Пронести мины в подвалы незаметно было нелегко, а делать это явно немцы не решались: одно дело рвать заводы на окраинах и сооружения порта, куда русским был запрещён допуск, другое — публично расписаться в уничтожении культурных ценностей.

Утром 9 апреля немцы объявили по городу приказ: с трёх часов дня все окна квартир закрыть ставнями или шторами, а все двери иметь открытыми. Появление на улице или у окна после трёх часов дня каралось расстрелом.

Одесситы сидели по домам, со страхом ожидая грабежей, убийств, взрывов домов, из которых запрещено выходить.

Мы разговаривали с женщиной, которая ухитрилась всё же смотреть в щёлку ставни. Через час после закрытия окон к огромному дому против её окна, к зданию жандармерии около памятника Ришелье, подошла машина, похожая на бензозаправщик. Немецкий солдат полил из шланга бензином стены до третьего этажа, другой скатил бочку. Машина отошла. Солдат дал очередь зажигательных пуль, бочка вспыхнула. Дом мгновенно загорелся, и машина пошла дальше.

Так и зажигали немцы одесские дома, в том числе и здание гестапо на Новосельской, где нашли потом в подвалах двести сорок обгорелых трупов.

Разрушение города, всё население которого было загнано в дома, факельщики и подрывники должны были производить в течение 9 и 10 апреля. Но им помешала Красная Армия.

Уже горел на молу элеватор, раздавались взрывы в порту и в городе, летели стёкла в расположенных рядом домах, и люди в них со страхом ждали своей очереди, когда в пятом часу дня 9 апреля над Одессой повисло огромное облако чёрного дыма. Его видели наши передовые части,

ворвавшиеся на окраины Одессы, и те из одесситов, которые рисковали выглядывать со дворов. Это был немецкий сигнал «общий отход»: прорыв наших войск был совершён, и поджигателям оставалось убегать за спешно отступающими немецкими полками.

Наши войска ворвались в город по пятам врага. Батарея моряков-артиллеристов майора Солюянова, бывшая немцев ещё под Новороссийском, успела подвезти орудия к Одессе ещё тогда, когда немцы выходили из порта. Прямой наводкой моряки потопили две быстроходных десантных баржи с войсками — первую четырьмя, вторую тремя залпами. Моряки-разведчики, ворвавшись на Пересыпь, ещё застали там немцев, готовивших взрыв железнодорожных мостов на дамбе. Два паровоза под парами стояли на мостах, чтобы увеличить разрушения. Моряки огнём отогнали немцев и перерезали горящий шнур. Советские войска ворвались в Одессу стремительно и внезапно, и благодаря этому враг не успел выполнить намеченный им план разрушений. Шоссе на Овидиополь, забитое машинами и техникой, пленные, захваченные по квартирам, в сараях и уборных, порой в женском платье, и невзлетевшие на аэродромах самолёты свидетельствуют о том, как была взята нами Одесса.

Так остались целыми многие здания, в том числе оперный театр и одесская городская библиотека с её двумя миллионами книг.

Как и артисты, работники библиотеки дежурили по ночам, следя за тем, чтобы немцы не проносили мин. Это были О. В. Янушковская, двадцать четыре года заведующая книгохранилищем, М. М. Дерibas, внучка основателя Одессы, работающая на каталоге сорок шесть лет, Котов, Бабышев и директор библиотеки А. Н. Тюпеева, связанная с нею с 1919 года. Этим людям удалось сделать ещё одно огромное дело.

По приходе румын в Одессу представитель румынского

«министерства просвещения» Видушанко явился в библиотеку с требованием изъять всю политическую и советскую литературу. Работники библиотеки представили ему каталоги одного только абонемента отдела. Тысячи книг были вывезены из библиотеки. Но все книги основного фонда, каталогов которого патриоты с риском для себя не представили комиссии, — остались. И нам показали их в одном из нижних книгохранилищ, вход в которое был замаскирован, — в полной целостности и сохранности.

На улицах Одессы мы обратили внимание на кресты, аккуратно по трафарету наведённые белой краской на целом ряде домов. Оказалось, что дом, на котором нарисовали белый крест, свободен от евреев: здесь уничтожение еврейского населения было закончено.

Правительственная комиссия установит точные цифры уничтоженного румынами населения Одесщины. Но цифра в 200 000 человек, которую нам называли, не будет преувеличенной.

Сателлиты Гитлера всячески отрекнутся от участия в страшном деле уничтожения мирного населения в оккупированных местах. Они утверждают, что это делают фашисты, немцы, гестапо, зондеркоманды.

Но Одесщина и Одесса с первых дней оккупации были отданы румынам. Вся Одесщина до Буга составила область, названную Транснистрией, что означает — Заднепровье. Управлял Транснистрией румынский губернатор, работали румынская жандармерия и полиция, стояли здесь румынские войска.

Уничтожение мирного населения началось сразу же после захвата румынами Одессы. На шестой день вступления румын в город на улицах и в Александровском парке закачались на деревьях тела повешенных «заложников» общим счётом до шестисот человек. В селе Богданов-

ка, в 104 километрах от Одессы, было согнано и уничтожено 54 000 человек населения Одесщины и Бессарабии.

Все эти страшные дела производились румынами. Таким образом, миф о том, что сателлиты не принимают участия в истреблении гражданского населения, ещё раз разрушен историей румынского господства на Одесщине. Ими введено даже нечто новое в ужасное дело массовых убийств. В ров заранее бросали бочки с горючим и поджигали его. Жертвы, привезённые из лагерей и тюрем, прогонялись по краю оврага цепочкой, и каждый, получивший даже лёгкое ранение, падал в пылающий костёр и сгорал, не оставляя следов.

На румынском же языке напечатаны те удостоверения, которые мне показывали в Одессе люди, пережившие унижительные и отвратительные процедуры медицинского осмотра, исследований и свидетельских показаний. После массовых уничтожений румынская полиция придала этому преступлению видимость «законности». Человек, которого обвиняли в принадлежности к еврейской национальности, мог апеллировать к суду. И румынский военно-полевой суд выдавал удостоверение с фотокарточкой: «Предъявитель сего такой-то прошёл обследования, и наличия в нём еврейской крови судом не доказано». Я привожу точный перевод документа, который разоблачает ложь о «непричастности» румынского правительства к вопросам расистской теории. Такие удостоверения показали мне интеллигентная женщина Анна К. и парикмахер Опанас Ф.

По этому поводу я имел беседу в лагере для военнопленных с румынским полковником Теофинеску. Я задал ему вопрос, каким образом офицерская честь и достоинство воина могут быть совмещены с уничтожением безоружных жителей города, более того — с уничтожением детей и женщин. Полковник Теофинеску посмотрел на

меня круглыми глазами и ответил, что об уничтожении в Одессе населения он «ничего не слышал».

Вернее всего, на неизбежном суде истории маршал Антонеску сделает такие же круглые, невинные глаза и ответит той же удобной фразой, что он «ничего об этом не слышал».

Но это видели и слышали тысячи жителей Одессы и окрестных деревень. Это делали румыны, их полиция, их жандармерия, их солдаты, их офицеры. И отвечать за это румынские палачи будут наравне с немецкими.

Румынские захватчики, кроме этого страшного пятна, стяжали себе в Одессе незавидную славу непревзойдённых воров и взяточников. По квартирам шатались румынские капралы под предлогом осмотра для постоя, — и каждое такое посещение означало пропажу. Румыны не брезговали ничем: чайной ложкой, шапкой в передней, детским свитером и даже грязными носками. Особый доход для румынских солдат представлял комендантский час. Артист оперного театра рассказал нам поучительную историю.

Часа за полтора до прекращения движения по городу его остановил румынский солдат с автоматом. Артист показал на часы, румын покачал головой и повёл его за собой: Он водил артиста по всему городу полтора часа, вздыхая, ворча и чего-то ожидая. В три минуты одиннадцатого он привёл жертву в комендатуру. Когда в следующий раз другой румын на другой улице за час до срока так же подошёл к этому артисту со словом «комендатура»: наученный опытом артист поспешно выдал ему пять марок — и румын даже любезно довёл его до дому, защищая от других любителей лёгкой поживы.

В Одесском оперном театре стоит своеобразный памятник неизвестному ворюге армии маршала Антонеску. Это бронзовый канделябр — пастух и пастушка. Рука пастуш-

ки обломана до локтя: в последние дни румынский капрал польстился на неё, решив, что это не бронза, а золото.

А на улицах висят грозные приказы городского головы о соблюдении порядка и о прескращении краж. Эти приказы начинаются необычайно пышно: «Мы, Герман Пынтя, примарь города Одессы, в соответствии с установлениями германского командования...» и кончаются порой совершенно не в тоне такого манифеста: «приказываем к такому-то числу очистить выгребные и помойные ямы...»

Немцы, сменив пыльного Германа Пынтю, продолжали грабить город, уже до этого разграбленный румынами. За двадцать дней своего хозяйничанья они вывезли станки, мебель, посуду, рояли, бсельё... Из оперного театра они украли партитуры и оркестровые партии ста тридцати шести опер и балетов. Наши войска не дали закончить им грабежи и разрушения.

Понятно, как встречали одесситы наших бойцов. Моряки-разведчики рассказали мне об этом кратко и выразительно:

— Влетели мы в Одессу все в пылище, а к центру попали чистыми, как стёклышко: всех нас поцелуями обмыли...

В городе — смешение всех городов. Тут люди с Донбасса, из Харькова, из Киева, с Кубани, из Крыма — те, кого немцы при отступлении уводили с собой. Тысячи трагедий, потеря, разлук...

Сводка, которую мы прочитали в газете, заставила нас спешить в Крым. Снова, как тридцать месяцев тому назад, по Одессе пролетело слово «Севастополь». Теперь оно звучало иначе — торжеством, радостью, победой.

И я снова — во второй раз — покинул Одессу для Севастополя.

На прощанье мы вышли к одесской лестнице. Внизу расстилались гавани, порт, причалы. Всё это когда-то кипело жизнью, и всё теперь было мертво. Дымился ещё

огромный элеватор, всё ещё горело в нём зерно. Несколько раз его тушили, и несколько раз оно самовозгоралось. Глухо рвались внизу мины — иные сами, потому что отработал часовой механизм, иные рвали на берегу наши сапёры.

Горький запах дыма, запах, которого не забыть и который томит душу чувством беды, горя и разрушения, тянул от моря. И снова мысль о возмездии заслонила радость свидания с освобождённой Одессой.

Огромное горе видел я здесь, в этом некогда весёлом и счастливом городе, в городе войне, два месяца отбивавшемся от румынских полчищ. Громадные разрушения видел я здесь.

Немцы и их лакеи, румыны, должны восстановить всё, что они разрушили. Годы и годы должны они работать — и работать так же аккуратно, истово и настойчиво, как разрушали.

Гнилое море—Сиваш...

Поразительна неудержимая мощь быстрой крымской весны. Всё здесь — в зелени, в буйном росте, в стремительном движении жизненных соков. Молодая трава ярко зеленеет всюду, где в камнях есть хоть клочок земли, причудливо изогнутые ветви горного дубняка скрыты листвой, под обрывами лиловеют первые цветы, и даже самые скалы опуганы плющом, карабкающимся к солнцу по острым выступам жёлтого камня,— а долины внизу белеют пушистым снегом яблонь и груш, и розовые букеты фруктовых деревьев разбросаны в сочной зелени трав на влажных склонах у речек.

Земля, накопившая за зиму огромную силу вечного своего возрождения, радостно и буйно творит новую жизнь. Солнце, благословенное солнце Крыма, встаёт в прозрачной прохладе розовых зорь и садится в полыхании ликующих закатов. С черноморского неба синего и высокого, не оскорбляемого туманами, оно бьёт прямыми своими лучами на горы и долины и, к слову сказать, припекает уже надоедливо. Но люди в защитных гимнастёрках — рядовые и генералы, юноши и ветераны — только радуются теплу.

Долгие месяцы провели они в холодных открытых траншеях Малой земли, в длительном подвиге строительства переправ через Сиваш, в постоянной борьбе с ледяной и горько-солёной водой Гнилого моря. И так же, как земля, войско накопило за эту зиму огромную силу. Встало солнце победы — и неудержимая мощь стремительного удара вырвалась из сырых траншей сивашского

плацдарма, хлынула на Крым и согнала врага с плоскогорий, степей и гор, как сгоняют снег могучие весенние лучи.

И вот, пройдя стремительным маршем весь Крым до подступов к Севастополю, герои Сиваша, щурясь, блаженствуют на солнце, каждым кусочком тела впитывая давно забытое тепло. Но попробуйте завести с ними разговор о Малой земле, о переправах, о трудных месяцах подготовки прорыва. Вам будут рассказывать об этом, как о чём-то смутно вспоминаемом, почти забытом — самое удивительное, — как о чём-то вполне естественном, легко выносимом и не стоящем особого внимания...

— Ну, сидели в траншеях без землянок, без костров, частенько без горячей еды, мёрзли — это правильно... Потом наловчились — «лисы норы» нарыли: трубу такую в стенке окопа выроем, а за ней — вроде пещерка пошире... Человек пять-семь набьётся, надышат — и вовсе тепло... Там и от бомбёжки спокойно было, если вход толково сделан — узкий, чтоб осколки не влетали...

— Походить взад-вперёд по этому Сивашу пришлось, это точно. За боеприпасами, за харчем всё ходили, пока переправы строили. Иные до ста раз его переходили — ничего, дело выполнимое, только вода там очень злая: голая соль... Верно его называют: Гнилое море... Ноги до язв разъедало, — и сапоги не помогали. Главное дело — обсушиться негде. О костре и не мечтай — ни тебе дров, ни возможности: всё на виду, земля плоская, по каждому дымку, по огоньку — бомба либо снаряд...

— Питьевую воду берегли, это вам тоже правильно рассказывали. Её сперва через Сиваш таскали, — с кошками ничего не получалось: до восьмидесяти метров били, а вода всё горькая, сивашская... До сладкой воды дорылись — что праздник был... А так рассказывать больше нечего...

И вот поговоришь так и лишний раз задумаешься о

благородной скромности, о целомудрии русской восприимчивой души.

Велик народ, умеющий превращать подвиг в будни, и страшна для врага его мощь. Не вспышками героизма — великолепного, но кратковременного напряжения всех сил — побеждает такой народ, а длительным истовым трудом войны, равномерным, непрекращаемым, неостановимым, — и нет в мире силы, которая смогла бы помешать народу-труженику, взявшемуся вырастить победу. Победа взойдет неизбежно, как всходит урожай на поле, политом жарким потом тяжелой пахоты. Огромный труд огромного народа вложен в дело отечественной войны, и труд этот уже приносит свои плоды: победа, полная и окончательная, зреет у нас на глазах.

Здесь, в войсках Героя Советского Союза Крейзера, я узнал о том великом военном труде, который подготовил прорыв наших войск в Крым. Дело военных историков описать этот прорыв во всех деталях. Я расскажу об одной лишь стороне этой эпопеи — о строительстве переправ через Сиваш.

За два с лишним года пребывания в Крыму немцы создали сильную инженерную оборону во всех местах вероятных наших ударов. Две линии — Турецкий вал и Ишуньские позиции — защищали узкий Перекопский перешеек. Восточнее, против того узкого места Сиваша, где в 1920 году провёл в Крым свои войска Михаил Фрунзе, немцы создали сильнейшие укрепления. Так же готовились они и на третьем опасном участке — у Чонгарского моста. Везде были настроены доты, нарыты глубокие противотанковые рвы и густая сеть траншей, заминированы подходы, сосредоточена артиллерия и подведены отборные немецкие войска.

1 ноября наши войска вгрызлись в линию немецкой обороны Крыма. На правом фланге, на Перекопе, войска гвардии генерал-лейтенанта Захарова прорвали укрепле-

ний Турецкого вала и заняли за ним плацдарм для будущего наступления. И одновременно с этим войска гвардии генерал-лейтенанта Крейзера форсировали Сиваш, но совсем не в том месте, где ожидали немцы. Это было сделано в широкой части Сиваша, на том участке, где немцы держали заслон из румынских дивизий, надеясь на непроходимость Гнилого моря. Герои сталинградских и миусских боёв ринулись вброд, преодолев одним броском три километра ледяной воды и вязкого ила, атаковали немцы на плоских берегах крымской земли, отбросили их в море, заняли береговую полосу и закрепились на ней. Так образовалась в Крыму ещё одна Малая земля — сивашский плацдарм, зародыш будущей грандиозной операции.

Войска ещё окапывались в рыхлой, мокрой и плоской степи, когда на поддержку им начали перевозить через Сиваш артиллерию. Орудия уходили колёсами по ступицу в жидкую лиманную грязь. Тогда сапёры сочинили нечто вроде саней — плоты на полозьях. На них ставили орудия и волоком, людской силой, начали перетаскивать через Сиваш орудия, сначала лёгкие, потом более крупные. Иные тащили по сто, по сто двадцать человек, шаг за шагом, в течение семи-восьми часов, по колена в ледяной воде, на холодном ноябрьском ветру.

Так пришлось перетаскивать через Гнилое море орудия и грузы. Коней не хотели ступить в его ледяную воду: едва войдя в неё и чувствуя, как ноги уходят в вязкий ил, конь вырывался и выскакивал на берег, храпя и косясь взглядом на опасную мутную гладь, затягивающую в себя. Тогда сапёры связывали коню ноги, клали его на сани и волоком перетаскивали в Крым лежащего коня. В глубоких местах вода заплескивала на сани, и русский солдат бережно подымал коню голову, оберегая его от мёртвой воды Гнилого моря...

Для прорыва в Крым надо было сосредоточить на Малой земле танки и тяжёлую артиллерию. Это грузное хо-

или траншеи, бойцы не успевали откапываться. Завало и отказывалось работать оружие. Пронзительный пер сбивал людей с ног.

И это вытерпела великая армия советского народа, бойцы сталинградских дивизий, герои Донбасса и Миуса. Через несколько дней после бурана был подан сигнал общего наступления с обоих плацдармов — с перекопского и сивашского, а далеко на юге, под Керчью, с другой Мала земли, ударили войска генерал-лейтенанта Ерёменко.

Немцы ожидали, что с сивашского плацдарма наши войска пойдут прямо на юг, на симферопольское шоссе. Там немцами была подготовлена крепкая оборонительная линия и сосредоточены лучшие войска. Но командование фронта повело наступление по-своему: сделав мощный бросок на юг, наши войска резко повернули на восток, стремительно овладели соседним полуостровом, отрезав от нём румын, прорвали здесь оборону — и в этот прорыв выдвинули наши танки и войска. В тот же день они овладели Джанкоем.

Эта операция решила судьбу Крыма. Немецкие дивизии, оставив в Джанкое и Симферополе склады, вооружение, боевую технику, покатались к Севастополю. С трёх плацдармов — сивашского, перекопского и керченского — советские войска погнали немцев к последнему рубежу обороны — к кольцу укреплений, окружающих Севастополь.

На подступах к Севастополю

И вот после двухлетней разлуки я снова вижу Севастополь.

Вздываясь из воды бухты подобно огромному кораблю, отягощённому нагромождением рубок, мстиков и надстроек, взбегает на крутые скалы ярусами своих кварталов чудесный город флота и солнца, садов и моря.

Дымка дали скрывает разрушения, воздух, нагретый апрельским солнцем, струясь, дрожит у стёкол стереотрубы,— и город поэтому кажется живым и целым: будто на каменных его трапах шумят весёлые толпы и под колоннадой Графской пристани плещет на широкие ступени бело-синий прибой моряков, и алые девичьи платья крутятся в нём лепестками цветов, подхваченных волной, и со ступеней «Динамо» летят в лазурную воду бронзовые тела севастопольских мальчишек, как всегда первыми открывая купальный сезон, и тысячи молодых людей смеются, мечтают, учатся, любят и живут той полной, свободной жизнью, какой жили они до первой бомбы, ударившей в этот город на рассвете страшного июньского воскресенья.

Но лёгкий поворот винта стереотрубы возвращает к действительности. Тёмная гряда Сапун-горы, изрытой траншеями врага, покрытой бетонной цепью дотов, уставленной орудиями и миномётами, возникает в поле зрения. И новое видение встаёт перед глазами.

Я вижу, как свежим октябрьским утром бьются на этих горах юноши в бушлатах и бескозырках — курсанты Училища береговой обороны, все до одного комсомольцы.

Впереди других они ринулись навстречу лавине врага, прокатившейся от Перекопа к Севастополю, и остановили железный ход её танков и машин.

Я вижу, как в траншеи, высеченные в каменистом грунте скал, прыгают с машин первые отряды моряков, красноармейцев, добровольцев-горожан, как сдерживают они натиск врага до подхода наших резервов. И трудным суворовским маршем, без дорог, через горные перевалы, таща на себе орудия и снаряды, спешит к ним Приморская армия, защищавшая недавно Одессу, с боями пробиваются к ним другие герои Одессы — моряки Первого морского полка. Только нет уже среди них полковника Осипова, — он убит в бою на прорыве... Идут на севастопольские горы из Евпатории моряки Седьмой морской бригады, полковника Жидилова, отбиваясь от врага, подходит и Третий морской полк, сходят с кораблей прибывшие сюда армейские полки...

И вот уже занят героями рубеж, с которого долгие восемь месяцев никто не сойдет ни на шаг. И корабли из бухты стреляют через горы по резервам врага, а по переднему его краю метко и страшно бьют морские береговые батареи Дранушко, Александера, Матушенко... Первый штурм Севастополя начался.

Двести пятьдесят дней, каждый из которых был доверху набит смертью, держали севастопольцы родной город. Три длительных штурма, сотни тысяч снарядов, десятки тысяч авиабомб, тысячи атак...

Камни не выдерживали — падали дома и лопались скалы, а севастопольцы стояли. Море кипело от взрывов, стоном стонала земля, тёмный столб каменной пыли качался над скалами, над городом, над бухтой, а севастопольцы стояли. Шли дни, недели, месяцы — и всё на тех же рубежах, неотступно и несдвигаемо, в великом мужестве стойкости, таинственной и страшной для врага, стояли севастопольцы.

Всё на этих скалах полно славы. На Мекензиевых горах мы нашли скелеты в бушлатах среди груды стреляных патронов, рядом с заржавленными автоматами. У Балаклавы — патронный ящик, на крышке которого начта надпись химическим карандашом: «Прощайте, товарищи, здесь бились моряки-черноморцы: Александр Ко...» — и кровавое пятно свидетельствует, что надпись начта была слишком поздно. Над немецкой траншеей, над головами немецких солдат красноармейцы заметили на отвесной скале ещё хорошо различимую надпись суриком: «Смерть немецким захватчикам!» Немцы не смогли уничтожить надпись, неведомо как сделанную моряками на этой недоступной круче, — и она кричит с горы в долину предсмертным зовом, призывом к мщению, лозунгом победы. И бойцы-сталинградцы выполнили этот завет сева­стопольских моряков, и немцы в траншее под надписью вошли в счёт мести за безыменных героев, сражавшихся тут два года назад.

Севастопольцы бились здесь, не отступая ни на пядь. Бились, умирая, но не сдаваясь. Бились, унося с собой в смерть столько врагов, сколько видели перед собой. Здесь, навесив на пояс гранаты, кинулись под немецкие танки пятеро бессмертных сынов Чёрного моря: Фильченко, Цыбулько, Паршин, Красносельский, Одинцов. Здесь взорвал себя вместе с батареей её командир капитан Александр. Здесь семьдесят четыре моряка трое суток держали старый Константиновский рavelин, не пропуская немцев к воде, по которой уходили из Южной бухты последние катера.

Уже сложились в народе легенды о сева­стопольцах. В Симферополе мне рассказали о том, как на рассвете 4 июля 1942 года старый пастух в Джанкое услышал в прозрачной тишине солнечного утра далёкую песню. Он прислушался. Это был «Интернационал». Его прерывали глухие взрывы и залпы. И поверили люди старику, что

это пели матросы в Севастополе на тонущем корабле, уходя в воду и стреляя из последних орудий, пели так мужественно и громко, что ветер донёс их голос через весь Крым...

Мужество и благородство, стойкость и доблесть, верность родине и ненависть к врагу вечно, как море и скалы, будут окружать Севастополь сияющим венцом славы.

Оскорбительно и тяжело было увидеть теперь на скалах нашей славы немцев. Они заняли наши прежние позиции, рассчитывая удержаться на них долго. Линию обороны, построенную нами, они укрепили и дополнили. К нашим минам, оставшимся перед траншеями, они добавили тысячи своих. Взорванные нами или разрушенные их снарядами наши доты они восстановили и усилили бетоном и сталью. Они имели на то время. Почти два года они строили свою линию обороны вокруг Севастополя,— жалкие «хозяева» Крыма, боявшийся партизан, боявшиеся десантов с моря, боявшиеся прорыва наших войск в Крым.

Немцы перетащили сюда остатки своей артиллерии, спасённые в бегстве по Крыму. Вдобавок они привезли сюда орудия и миномёты из Румынии. Под нависшие скалы они подложили взрывчатку, готовясь обрушить их на наши наступающие цепи.

В отвесных скалах они вырубili узкие каменные норы и поставили там пулемёты, которых не сможет взять ни бомба, ни снаряд и которые могут сдерживать натиск батальонов. Долины и ущелья они перекрыли трёхслойным огнём артиллерии. Огромное количество прожекторов и зениток приготовилось отражать нашу авиацию.

Немцы писали в своих приказах: «Солдаты! Фюрер приказал держать крепость до последнего патрона. Позади нас пространство, жизненно необходимое для сохранения крепости Севастополь. Впереди нас плохая русская пехота, которая не страшна немецким гренадерам в их мощных укреплениях...»

Но в том же приказе № 1036/44 от 20 апреля по 98-й пехотной дивизии после этой патетики идёт трезвый торгашеский расчёт: «Каждый солдат, кто патроном «фауст» уничтожит русский танк, получает двухнедельный отпуск с немедленной отправкой на самолёте». Та же цена, о которой в Крыму мечтал каждый немецкий солдат, объявлена для наводчиков противотанковых орудий — уже за два танка, и для птурмовых — за три. Расчёт по-немецки, по аккуратной таксе.

Однако немецкий солдат, видимо, не очень-то соглашался с формулировкой «плохая русская пехота». На пристанях у готовых к отправке кораблей появлялись зайцы—солдаты, не имеющие билетика на посадку. И пункт 3-й приказа обязывает офицеров «силой оружия отвести на старое место таких солдат или застрелить за проявление трусости».

Немецкое командование успокаивало солдат: «Прорыв русских в Крым только выгоден для нас. Мы заманили их в огромную ловушку: фюрер готовит колоссальный удар по побережью с целью запереть русские войска в Крыму. Недалёк час, когда под Севастополем мы перейдём от обороны к наступлению и уничтожим окружённых на полуострове русских...»

В другом указании оно твердило: «Своей обороной крепости Севастополь немецкая армия докажет всему миру, что на этих мощных позициях можно держаться сколько угодно. Мы сумели раздавить здесь русских, но им никогда не взять Севастополя, который держат немецкие войска...»

Видимо, всё это мало действовало, и немецкое командование распускало в солдатской среде слухи о новом «секретном оружии». Пленный ефрейтор рассказал, что со дня на день ждут его применения: это будет порошок, рассыпаемый с самолётов. Он понизит температуру до ста

семидесяти градусов мороза, и вся местность на десятки квадратных километров замёрзнет.

И только тогда мы поняли, почему это в последние дни апреля чудесная крымская погода испортилась и в воздухе похолодало. Мы решили, что порошок этот немцы посыпали где-нибудь далеко в море, либо сделан он из эрзац-сырья и сработал только на пять градусов, вместо обещанных ста семидесяти...

Не помогли немцам ни патетические слова, ни торговля отпусками, ни хвастовство, ни фантазии. Цифры беспощадно издеваются над ними, а цифры — остаются в истории.

Мы держали Севастополь двести пятьдесят дней. С момента подхода наших войск немцы провели в Севастополе только двадцать пять дней. Ровно в десять раз меньше.

Мы держали Севастополь в последнем июньском штурме двадцать пять дней. Немцы выдержали здесь только двое с половиной суток нашего первого и единственного штурма. Выходит тоже ровно в десять раз меньше.

Арифметика складная и очень убедительная...

Штурму Севастополя предшествовала тщательная подготовка. Нужно было разведать систему немецкой обороны, нащупать их огневые точки, проложить проходы в бесчисленных минных полях. Бойцов, испытанных в степных боях, надо было приучить к незнакомым им действиям в горах, где вся война идёт по-другому. Надо было подтянуть тылы, оставшие в стремительном марше армии через весь Крым, подвезти снаряды.

Вход в Севастополь преграждала сильнейшая инженерная оборона немцев. Вот один из участков обороны на высоте 282.0.

Здесь сапёры обезвредили менее чем на трёх километрах фронта до двух тысяч мин. У подошвы горы были бетонированные огневые точки, в скалах её — глубокие норы с пулемётами, на крутом склоне горы — сплошная

траншея с укрытиями от бомб и тяжёлой артиллерии, вторая траншея — на гребне. Подходы к горе защищались несколькими батареями и десятиствольными миномётами. По ночам она беспрерывно освещалась ракетами: немцы высматривали работу наших сапёров. Каждый шорох и стук вызывал плотный ружейный и пулемётный огонь, и время от времени, захлебываясь, лаял миномёт.

Такой — насторожённой, огрызающейся, утыканной от подошвы до гребня оружием и солдатами — мы увидели эту высоту, когда поднялись на наш наблюдательный пункт против неё, чтобы посмотреть ночные действия нашей авиации.

Сразу же, как село солнце, с запада потянуло прохладным ветерком. Свежий и влажный запах моря пересилил тёплый аромат молодой листвы. Тёмная южная ночь быстро упала на горы и долины, скрыв от глаз знакомые места, дорогие сердцу. Яркие звёзды, звёзды Черноморья, переливаются и сверкают в небе, и на переднем крае — тишина предгрозя.

Но вместо нарастающего гула мощных бомбардировщиков, которого мы ожидаем, в этой тишине неторопливо и деловито тарактит над нами немудрящий мотор. Это выходят на работу крохотные самолёты «У-2» — «короли воздуха», «кукурузники», «комары», — каких только ласково-шутливых прозвищ не надавали им за годы войны армия и флот! Враг зовёт их иначе, более близко к правде: «стоячая смерть».

«Комар» идёт над нами неторопливо, уверенно, буднично, словно везёт почту. И тотчас навстречу ему поднимается в небо высокий лес световых столбов. Мы считаем их: двадцать один прожектор встречает одного «кукурузника»...

Прожектора мечутся в небе, пересекаются, сплетаются лучами, останавливаются, как бы советуясь, а мотор «кукурузника» всё тарактит, и действительно кажется, что

«стоячая смерть» висит на одном месте, рассматривая из темноты, где бы повернее сбросить бомбу или дать меткую очередь. Небо — в безумии прожекторов, в фейерверках красных трасс, пулемётных очередей. Крохотный самолёт всё жужжит и жужжит над передним краем немцев, как неотвязный комар. И сидит на этом самолётике какой-нибудь юнец-лётчик, задорный и весёлый, издевающийся над немцами. И вот — первое его «здрассте!»: на переднем крае немцев грохает небольшая, но злая и точная бомба...

А справа и слева уже жужжат другие «комары». Их целый рой. Прожектора мечутся, не в силах поймать каждого. С тёмного неба то там, то здесь летят на землю светящиеся кривые белых трасс: это «кукурузники» всем колхозом навалились на нужный им объект. Они бьют немцев с малой высоты — пулемёты отчётливо слышны. Время от времени в разных местах переднего края грохают бомбы.

И вдруг сердце сжимается: одного «комара» прожектор всё-таки поймал. Восемь лучей, стремительно очертив небо, сходятся вокруг пойманного в спящий пучок. Медлительный и упрямый «У-2» плывёт серебряной сияющей точкой, и вокруг неё вспыхивают разрывы снарядов, и к ней вздымаются из земли быстрые пунктиры красных трасс. «У-2» продолжает идти прямым курсом, попрежнему неторопливо и деловито, и хочется крикнуть этому юноше, великолепному в дерзком своём упрямстве: «Да уходи ты скорей, ныряй в темноту!»

Долгую минуту «У-2» идёт в самой гуще искрящихся разрывов, в сетях пулемётных трасс. Потом под ним встаёт на земле круглая вспышка бомбы, вторая, третья... «Комар» нашёл, куда ужалить — и тотчас он исчезает из скрещения лучей. Невидимый, он посылает из тьмы к прожекторам издевательскую очередь белых светящихся пуль, и тот, кто знает азбуку Морзе, может расшифровать

точки-тире этой занятой стрельбы: телеграмма кратка, ядовита и крайне обидна для немцев, но для печати, к сожалению, не годится.

Другой «комар», попавший в скрещение прожекторов, предпочитает более серьёзный разговор. Он снижается, ведя за собой прожектора и яростно огрызаясь: белая трасса его пуль летит точно в плоскости одного из лучей — и один прожектор гаснет. На другие тем временем навалились остальные «комары». Вспышки бомб встают у самых прожекторов. Фриц сдаётся, прожектора поспешно гаснут. Из тёмного неба с малой высоты опять стучат пулемётные очереди крохотных самолётов, и падают на передний край злые их бомбы. Небо в тарахтении моторов, — возвращающихся «кукурузников» сменяют другие.

Во время этой воздушной суматохи началась война на земле. Одна из важных высот, преграждающая нам путь в долину, вся полыхает ракетами. Идёт ночной поиск разведчиков, а может быть, частная атака. Торопливо взлетает в небо немецкая красная ракета — вызов артогня. В ложбине против нас залаяло, забухало, запылало коротким пламенем: десятиствольный миномёт поспешил на помощь напуганным немцам. Но не успели выпущенные им мины долететь до высоты, как в самой ложбине, у миномёта, вспыхивают разрывы наших снарядов. Артиллерия, дожидавшаяся, когда миномёт откроет себя, накрыла его. Тут же встаёт и пламя бомбы. Это сверху подбавил лично от себя очередной «комар».

В небе «брунчит» прерывистый гул «Фокке-Вульфа», пришедшего на помощь. Он долго бродит в небе на большой высоте, опасаясь наших зениток, потом пикирует — и кладёт серию бомб в пустопорожнее место. Его провожают наши зенитки. Второпях «Фокке-Вульф» сбрасывает вторую серию бомб на свои же траншеи. Единогласно выносим ему благодарность за помощь нашим «У-2»:

В небе снова заметались немецкие прожектора. Теперь

они уже не обращают внимания на «комаров» и их бомбы. Дело пошло всерьёз. Пришла наша тяжёлая авиация. Высоко под звёздами вспыхивают огненные точки разрывов шрапнелей. Вся мощь зенитных батарей, согнанных сюда немцами со всего Крыма, встречает наши самолёты. В ответ в небе повисает ослепительно сияющая гроздь световых бомб. Ярчайшие люстры, миллионы свечей плывут над севастопольскими бухтами, белым пламенем полыхают на их берегах разрывы тяжёлых бомб,— и долгое вздрагивающее зарево пожара остаётся на этих местах. Новые люстры, новые всполохи в бухте, новое высокое зарево. Вражеские транспорты горят, идёт бомбёжка места погрузки немцев на уходящие в Румынию суда. Часть солдат, приготовившихся к вожделенному путешествию, в билетах больше не нуждается. Другая часть держит в потном кулаке билеты, но не имеет кораблей, названных на них: корабли горят или лежат на дне у причалов бесформенной грудой. На оставшиеся корабли грузятся оставшиеся немцы.

Проследим нормальный, так сказать, «типовой» переход немецкого каравана из Севастополя в Румынию.

Бомбёжка бухты закончена, наши самолёты ушли. Под спасительным покровом темноты караван выходит в море. Сразу же за углом Херсонесского мыса его встречает восточная группа торпедных катеров капитана 2-го ранга Дьяченко. Очередной убыток в кораблях и людях. Несколько дальше на караван наскакивает западная группа катеров капитана 2-го ранга Проценко. Новый урон...

Караван выбрался подальше от берегов. Рассвет. С неба на немцев пикируют морские штурмовики подполковника Манжосова. Новый метод, которым они бомбили немецкие корабли, даёт, как говорят морские лётчики, «полную гарантию — в правый глаз капитану». Еще два-три корабля идут вместо Румынии на дно вместе с немцами, мечтавшими спастись из Крыма. Караван, сильно пореде-

ший, вышел, наконец, в открытое море. Штиль, полдень, тишина. И вдруг — торпеды... Это дорвались до работёнок подводные лодки контр-адмирала Болтунова.

Кажется, всё. Оставшиеся немцы с нетерпением поглядывают на открывающиеся румынские берега. Но у нас есть ещё самолёты генерал-лейтенанта авиации Ермаченкова. Снова град бомб, новые пузыри на воде...

Черноморский флот в боях на коммуникациях противника нанёс ему огромные потери. С момента прорыва наших войск через Сиваш и Перекоп потоплено: 69 транспортов водоизмещением от 1000 до 5000 тонн, 56 БДБ — быстроходных десантных барж (каждая берёт до 500 человек), 2 сторожевых корабля, 2 канонерских лодки, 3 тральщика, 27 сторожевых катеров и 32 разных судна (в том числе и торпедные катера). Всего 191 судно.

Почти столько же повреждено нашим огнём, торпедами и бомбами. Часть из повреждённых кораблей затонула на дальнейшем переходе, но в черноморском счёте их не значится: утопленными считаются только те, гибель которых зафиксирована фотоснимком или засвидетельствована наблюдением с двух различных кораблей.

Пользуясь временем подготовки к штурму Севастополя, мы поехали к черноморским лётчикам и катерникам, или — как называли их в штабе армии — «регулирующим движением на Чёрном море».

★

На торпедных катерах

Ровный, изумительный пляж, недвижная гладь бухты, глубокая синева которой переходит у берега в бледноглубую, как бы забелённую молоком, волну ленивого прибоя. Лёгкий ветерок, сыпучий, нагретый солнцем песок, острый иодистый запах водорослей,—лечь бы тут, заложив руки за голову, и лежать так, ни о чём не думая, впивая всем телом живительные лучи раннего крымского солнца и укрепляющее дыхание милого моря...

Но место уже занято. Там и здесь видны на пляже раскинувшиеся полуголые тела, загорелые, как и полагается курортникам, дочерна. Они лежат здесь, греясь на солнце, хотя весь пляж изрыт ещё траншеями, изуродован колючей проволокой, и приземистый дзот, сложенный из камней и облитый бетоном, угрожающе смотрит в море, а рядом с ним торчит шест с надписью «мины»,—благословенные места отдыха и лечения обезображены следами врага, смертельно боявшегося десанта с моря.

Возле отдыхающих аккуратно разостланы на песке бушлаты, шинели, регланы, фланелевки, и чуть видные струйки пара, дрожа, вздымаются от них в прозрачном воздухе. Одежда насквозь мокра. Это высыпаются и обсыхают моряки торпедных катеров, вернувшихся поутру из ночной операции. У обломков пристани видны и сами катера: задрав вверх свои приплюснутые носы, они тоже дремлют в тихой воде.

Уже несколько дней базируются здесь моряки капитана 2-го ранга Проценко, отмеченные в приказе Верховного Главнокомандующего в числе отличившихся в боях за

Севастополь. Впрочем, вряд ли можно назвать базой разрушенный причал, пустынный пляж, группу сожжённых домов, грузовики с горючим и торпедами и удивительный камбуз: обыкновенный костёр, на огне которого моряк, выставив солнцу голую спину, варит в ведре уху из рыбы, добытой тут же у пристани.

Однако в условиях последних месяцев катерники считают эту «базу» первоклассной. В первые дни прихода в этот глухой угол Чёрного моря они «базировались» на голом пустынном берегу. Моряки оставались на катерах, мокрые с головы до ног, греясь поочерёдно в отделении моторов, а командный пункт — радиостанция и штаб — разместился в воронке от бомбы, дно которой родное Чёрное море заботливо устлало морской травой, высушенной солнцем. На плоском берегу это было единственным укрытием от ветра. Впрочем, и его пришлось занимать с боем: в воронке до прихода катерников «базировалась» группа собак, которые весьма неохотно уступили это жилое помещение. Воронка считалась дворцом: в ней не дуло, было мягко и сухо, и можно было, наконец, вытянуть ноги... Три дня провёл штаб в этом «дворце», три дня, полных напряжённой работы по организации первых торпедных атак на дальних коммуникациях врага.

Это было в начале марта. Одесса была ещё в руках врага. Вместо долгого и опасного пути из Севастополя в Констанцу, где немецким караванам приходилось часть похода совершать в светлое время суток и подвергаться атакам наших кораблей, подводок и авиации дальнего действия, немцы справедливо предпочли пользоваться этим, более коротким и более безопасным путём — из Ак-Мечети в Одессу. На этом пути им не угрожали наши подводки и авиация, так как немцы успевали проходить опасные районы под покровом темноты, а у берегов Крыма и Одессы они выходили под прикрытием береговых батарей и своих самолётов.

Наши торпедные катера, находившиеся в кавказских базах, здесь, казалось, никак не могли появиться: железной дороги, по которой их могли перебросить сюда, на нашем берегу не было, а переход их через всё Чёрное море в район, где для катеров не было никаких баз, считался невозможным. Поэтому немцы спокойно доставляли в Крым боезапас, продовольствие и войска и так же спокойно вывозили из Крыма награбленные богатства.

Тем удивительнее для немцев была внезапная потеря двух транспортов в мирном уголке Каркинитского залива. Неведомо откуда появились тут советские торпедные катера. Кратчайший и удобнейший путь из Крыма в немецкие тылы оказался под угрозой. Каждую ночь вражеские караваны, шедшие из Ак-Мечети, начали терять корабли.

Этот небывалый в истории торпедных катеров длительный переход был выполнен моряками капитана 2-го ранга В. Т. Проценко. Катера своим ходом в туманную и штормовую погоду пересекли всё Чёрное море и без оборудованных баз, без мастерских, без возможности отдыха для личного состава начали топить немецкие корабли.

Переход этот, опрокинувший долголетние представления о возможностях использования торпедных катеров и о человеческой выносливости, ещё раз доказывает справедливость той оценки наших офицеров и бойцов, которую дал в своём первомайском приказе товарищ Сталин: высокий моральный дух и наступательный порыв, возросшее искусство и боевая выучка с особенной силой сказались в этом исключительном переходе.

Чтобы понять подвиг черноморских катерников, надо знать, что такое торпедный катер. Эта стремительно несущаяся по воде скорлупка, футляр для торпед, приспособлена для короткого плавания, для быстрого удара. Вся она открыта, все люди в ней — в воде от брызг и волны. Оглушительно гудят моторы, скорость требует страшного

напряжений внимания. Глаза болят от солёных брызг, тело стынет в промокшей одежде, коченеет на ветру. Согреться хотя бы глотком горячей пищи невозможно, как невозможно смениться на боевом посту, — все на катере несут службу бесшменно. Когда же в море гуляет даже небольшая волна, ялаване на катере превращается в езду на машине, которую сумасшедший шофёр гонит по железнодорожным шпалам со скоростью восьмидесяти километров: каждая встреча катера с волной отзывается сильнейшим ударом. Если вы в рубке, — вы вынуждены стоять на согнутых ногах, пытаетесь спружинить эти непрерывные толчки и ударяясь об обивку рубки спиной, грудью, плечами. Если вы находитесь у моторов, вас бьёт о более острые и твёрдые предметы, и поэтому вам следует работать одной рукой, крепко держась другой за поручни. Это занятие забавляет в первый час, надоедает на втором, становится мучительным на третьем и валит с ног любого здоровяка на седьмом часу похода.

Катера капитана 2-го ранга Проценко шли с Кавказа в Каркинитский залив более суток, причём для скрытности перехода была выбрана соответствующая погода — то есть волна до шести баллов и густой туман.

Осталось неизвестным, кто устал за этот поход больше: командиры ли катеров, которые бесшменно стояли у штурвалов двадцать шесть часов подряд, всматриваясь вперёд сквозь брызги волн и белёсую мглу тумана, сам ли командир соединения капитан 2-го ранга Проценко, или его штурман, капитан-лейтенант Кушнеров, на офицерской чести которых лежала огромная ответственность за все катера, доверенные их опыту и знаниям? Мотористы ли, от которых поход потребовал полной гарантии работы их механизмов, ибо малейшая поломка означала остановку катера на середине Чёрного моря и последующую его гибель? Боцмана ли, чей пустяковый недосмотр мог обернуться на этом небывалом переходе трагической

катастрофой, или радисты, которые, скрючившись в своих ящиках-каютах, держали непрерывную связь между катерами? Бесполезно сравнивать и считаться. Каждый на своём месте сделал то, чего он не сделал бы ни при каких других условиях. Всех поддерживала одна мысль, одно стремление: дойти до западной базы, чтобы бить потом врага у берегов Крыма, бить за Севастополь, за Одессу.

На катере старшего лейтенанта Куракина в начале похода лопнула рулевая тяга. Проценко хотел отправить катер обратно. Но команда, которая вместе с командиром плавает на этом катере с самого начала войны и первая в соединении получила ордена, взмолилась: разрешите подремонтиться... Каниган 2-го ранга Проценко дал на ремонт короткое время. Тогда старшина группы мотористов Юшин полез в воду. Четверть часа провёл Юшин в ледяной воде, вслепую, на ощупь исправляя рулевое управление. Корабль получил возможность продолжать путь.

Катера шли строем клина. Видные в начале перехода, они вскоре скрылись из глаз Проценко в навалившемся тумане. Потом их поглотила ночная тьма. Время от времени Проценко протягивал к радисту руку за микрофоном и окликал по радио командиров. Порой кто-либо герял своё место в строю, и катера уменьшали ход, поджидая его: оставить катер один в пустыне Чёрного моря было невозможно. Потом вновь начинали реветь моторы, и вновь катера прыгали по волне, избивая в синяки и в кровь людей...

На восьмом часу перехода Проценко был вынужден скомандовать «стоп», хотя никто не отстал: на том катере, где он шёл, моряки стали стучать зубами, дрожа от холода и ветра. По радио понеслась непредусмотренная уставом команда: «По сто грамм, по куску свинины, по плитке колы!.. Отдых пять минут!» И такие остановки пришлось делать не раз.

На пятнадцатом часу похода боцман одного из катеров был отпущен в моторное отделение согреться. На пост он не вышел: в тепле его свалил сон — мгновенный и беспробудный. Его подняли только через час. Пришлось запретить морякам спускаться в тепло.

На двадцать втором часу три командира на очередной остановке упали у штурвалов, потеряв силы. Проценко приказал боцманам заменить их: в соединении все боцмана обучены управлению катером, и не раз эта мера спасала катера в бою. Но — велика сила флотского упрямства! — едва взревели моторы, командиры, как тени, шатаясь вновь встали к штурвалам и вцепились в них окоченевшими руками...

В конце похода один из катеров оторвался от строя и исчез. Долго искал и ждал его командир соединения. Катер не отозвался. Так и осталось неизвестным, какое именно повреждение заставило его отстать от строя. И только через месяц, когда была взята Красной Армией Ак-Мечеть, до нас дошла героическая история этого катера — ещё один великолепный пример черноморской стойкости и мужества.

Исправив повреждение, катер стал пробираться самостоятельно. Очевидно, за время ремонта его сильно снесло, и он вышел к берегу прямо к Ак-Мечети, занятой тогда немцами. Командир понял это только тогда, когда увидел перед собой в бухте пять быстроходных десантных барж и на берегу — сильные батареи. Он развернулся для ухода и тотчас открыл огонь по баржам. Рыбаки на берегу видели, как немцы, не пытаясь отвечать огнём дерзкому катеру, попрыгали с барж в воду. Катер уходил. Батареи открыли огонь с запозданием. Из рубки катера вызывающе показался красный флажок, как бы дразня немцев. Огонь их усилился. Флажок упал, но тотчас же его подняла другая рука. Ещё через полминуты маленький корабль исчез во мгле. Свидетели героического

поведения катера — рыбаки — вздохнули облегчённо: ушёл...

И он бы ушёл, если бы не несчастное совпадение обстоятельств: у самой Ак-Мечети он нарвался на охранение. Три сторожевых катера и одна быстроходная десантная баржа встретили его сильнейшим огнём. Он стрелял до последнего патрона. Снаряд попал в моторное отделение, катер потерял ход и начал тонуть. Немецкие катера подошли вплотную и потребовали, чтобы экипаж сдался. Командир катера лейтенант Игошин застрелился на глазах у немцев. Выпавший из руки командира пистолет подобрал боцман и тоже застрелился. Немцам достались лишь четыре тяжело раненных моряка. Их привезли в Ак-Мечеть, и там моряк Агафонов, раненный в таз и в голову, рассказал обо всём этом двум русским женщинам — врачу и санитарке госпиталя — и умер у них на руках.

А к вечеру немцы скрытно, на двух автобусах, вывезли с батарей и с барж более тридцати трупов своих солдат, убитых огнём катера лейтенанта Игошина.

Остальные катера добрались до освобождённых нами берегов. Отсюда без базы, без мастерских, в тяжелейших условиях они начали свою двухмесячную боевую работу, закончившуюся только теперь, с ликвидацией крымской группировки немцев. За это время советскими моряками потоплено несколько немецких транспортов, быстроходных десантных барж, сторожевых и торпедных катеров. Командир подразделения капитан 3-го ранга Местников совершил набег на Ак-Мечеть, утопил нагруженные войсками две десантных баржи. Командиры катеров Умников, Лотошинский, Акулин, Шенгур, Бублик, Хабаров, Константинов еженощно выходили на поиски караванов противника и топили его корабли.

С того времени, когда немцы были прижаты к северо-польским бухтам, катера занялись «регулированием движения» и в этой части Чёрного моря. Капитан 2-го ранга

Проценко, походив сам в ночные атаки, нащупал наиболее выгодные для перехвата врага позиции, и не было ночи, когда бы катера вернулись без «улова». В одну из таких ночей группа катеров, ведомая капитаном 3-го ранга Туль, наскочила на немецкий дозор, вдвое сильнееший по численности, и попала под круговой огонь; Туль понял, что единственный шанс выиграть бой — это кинуться в атаку. Он повёл свой катер на корабли противника. Остальные наши офицеры, поняв своего командира, повторили его манёвр. Огонь противника смешался, немецкие сторожевики были вынуждены бить друг по другу, а катера прорвались — и через полчаса «отыгрались» на встреченных сторожевых катерах, утопив один из них.

Настойчивость в поиске врага, дерзость в атаке, терпение в засаде, меткость торпедного и артиллерийского огня, личная отвага каждого катерника — вот качества моряков командира Проценко. Ордена и медали свидетельствуют об их боевых подвигах. Дорогую для каждого советского моряка награду — Нахимовскую медаль — первым среди других получил боцман Рыжов. На щитке его пулемёта разорвался вражеский снаряд, осколок ударил Рыжову в щеку, под глаз. Перевязывавшие его моряки решили, что глаз вытек. Командир катера хотел идти в базу, чтобы сдать боцмана врачу.

— Не стоит,— сказал Рыжов.— Если глаз вытек, доктор не поможет, а не вытек — до утра дотерплю... Чего ж с торпедами возвращаться...

Катер остался в море, поймал немецкий корабль и вернулся утром. Глаз боцмана, к счастью, удалось спасти.

Два командира катеров, неразлучные друзья Пилипенко и Подымахин, пришли к Проценко с просьбой сделать их «свободными охотниками», то есть разрешить им искать врага по своему усмотрению. Командир согласился, с одним, впрочем, условием:

— Вы оба до сих пор ерунду всякую топили — БДБ

всякие, катера... Без трубы не приходите ко мне, чтоб настоящий корабль был, с трубой, понятно?

Друзья, обрадованные, ушли. Две ночи они ходили на «свободную охоту» без всяких результатов, а днём шушукались в «клубе» — на песке пляжа, склонившись над картой, что-то колдуя, прикидывая возможные курсы крупных кораблей врага. Над ними уже, как полагается, начали подшучивать, показывали на летающих чаек: «Охотнички, подстрелите!», подсаживались к ним «слушать охотничьи рассказы»... Друзья дулись, но терпели.

Зато терпение капитана 2-го ранга лопнуло. На третье утро, едва катера вернулись с моря, он вызвал к себе Подымахина и Пилипенко и сурово спросил:

— Ну, охотнички, как у вас дела?

— Труба, товарищ капитан второго ранга, — сдержанно ответил Пилипенко.

— Ну, раз дела у вас труба, возвращайтесь в звено. Хватит. Поохотились...

— Ей-богу, труба, — сказал Подымахин. — И дымила на совесть. Тысячи на три покойничек был, не меньше...

Так и стали они ходить в самостоятельные операции в чине «свободных охотников». При мне Проценко, давая задания отряду катеров на ночь, серьёзно предупреждал командиров:

— На вест от этой линии не лазить — там наши охотнички зверствуют. Попадётесь им — конец. Они нынче в азарте: Пилипенко вчера коров потопил, нынче злой ходит...

Когда командиры разошлись, я спросил его, что за коровы? Оказалось, ночью приняли от Пилипенки радио с моря: «Потопил баржу коровами». Сперва решили, что подшутил шифр, но утром выяснилось — и точно: на десантной барже, кроме немцев и румын, были... коровы. Одну из них Пилипенко хотел прибуксировать за рога — славное получилось бы блюдо взамен надоевшей ухи, —

по буксир̄ на большом ходу лопнул, и корова осталась на широте такой-то, долготе такой-то.

Удивительно, как весело и легко в этом прекрасном боевом коллективе. Люди устают выше возможного. Поутру они приходят с моря, тут же начинают перебирать механизмы и латать полученные за ночь пробоины, обедают на своей «базе» осточертевшей ухой, спят на пляже, сушась на солнышке,— и с темнотой снова уходят в смертельную игру с сильно вооружёнными кораблями противника. И всё же неистребимый флотский дух веселья и жизнерадостности царит на этом клочке песка и развалин.

Но стоит вам заговорить о тех, кто погиб, как глаза офицеров и моряков темнеют. И вместо безудержно весёлой молодёжи вы видите перед собой взрослых, много повидавших воинов. Вспоминают лейтенанта Игошина и его подвиг, с уважением и грустью говорят о капитан-лейтенанте Григории Левищеве; он был первым, кто утопил торпедой немецкую БДБ ещё тогда, когда остальные командиры не знали, как попасть в такую малую и вёрткую цель. Другую БДБ — шестую на его счету — он встретил, имея торпедные аппараты уже разряжёнными по другим целям. Левищев кинулся на неё в атаку, изображая готовность выпустить несуществующую торпеду. Баржа начала маневрировать, яростно отстреливаясь. Под её огнём Левищев трижды демонстрировал выход в атаку и своим маневрированием загнал БДБ на наш берег. Он погиб в бою с самолётами противника. Четверо раненых моряков плыли с ним к берегу, но командир их был смертельно ранен и умер в воде, пытаясь ещё помогать друзьям слабыми движениями рук.

Одно имя погибшего друга влечёт за собой другое. Тенями славы и мужества встают перед вами образы моряков, отдавших жизнь за победу. И каждый из живых,

понизив голос, немногими, но сильными словами выразит вам то, что горит в его душе: боль и горечь за погибших соратников, страстная ненависть к врагу.

И тогда становится понятным, как выходят в ночную атаку эти молодые и весёлые люди, что делает точным их глаз и твёрдой их руку.

Это страстная воля к победе, которая одна может успокоить их сердца, тоскующие о боевых друзьях. Это—жажда возмездия.

Возмездие

Грабители и палачи, два с половиной года расхищавшие богатства Крыма и порабоцавшие его население, уходили из Севастополя крадучись, тайком, во тьме. Они уходили, спасаясь от возмездия, надвигающегося на них через степи и горы Крыма, из глубин великой нашей страны.

Но от возмездия не уйти. Оно ждало их и в море.

В темноте нарастает над водой гул: торпедные катера, стремительные и разящие, невидимые во тьме, разыскивали караван. Они врываются в строй военных кораблей, охраняющих транспорты, они проскакивают огневую завесу, находят цели и шлют в них свои разрушительные торпеды. Снова ослепляют немцев белые взрывы. Костры горящих кораблей полыхают на воде, освещая тонущих гитлеровцев. Затем пламя уходит в воду, ночь снова становится тёмной и тихой. Караван продолжает путь, уменьшившись на добрую треть. Бледнеют звёзды, над морем встаёт нежная заря крымской весны.

Пробуждение дня, вечное возрождение света, встающего из тьмы,— символ торжествующей жизни... Сколько надежд рождал он в человеческих сердцах, сколько поэм и стихов вызвал он, сколько людей обожествляли этот таинственный и прекрасный символ неумирающей жизни!.. И как страшен этот рассвет для солдат и офицеров гитлеровской армии — армии разбоя, армии мрака.

Не жизнь, а гибель несёт им розовый свет зари, не надежду, а отчаяние, не бессмертие, а чёрную, бесславную гибель. Беспощадным обличителем встаёт над морем

солнце. Яркие его лучи упираются в крадущиеся по Чёрному морю корабли тысячами указующих перстов: «Вот они, убийцы, грабители, палачи! Вот они — те, кто губит жизнь!»

И в высоком небе уже гудит над Чёрным морем самолёт. Человек в морском кителе внимательно смотрит вниз, на чистый простор знакомого моря. Тёмные полоски кораблей, белые ленточки бурунов, светлые следы кильватерных струй — караван врага... Разведчик посылает на далёкий берег радиосигнал и тотчас уходит просматривать море в других районах.

Караван резко меняет курс в тщетной попытке избежать разящего удара. Но негде спрятаться врагу на сверкающей поверхности Чёрного моря. Оно выдаст его своим друзьям-морякам — Чёрное море, советское море, свидетель славы двух городов-героев, море, истерзанное фашистскими минами, море, принявшее в вечные свои объятия тысячи жизней наших людей, безоружных жертв фашистской войны... Дети и женщины Одессы, старики и девушки Севастополя бледными, качающимися тенями бродят в глубинах тяжёлой нижней воды Чёрного моря и призывают к возмездию. Они проходили здесь на кораблях, отмеченных знаком Красного креста, — фашистские лётчики засыпали их бомбами. Они карабкались на шлюпки, на обломки, — фашисты с бреющего полёта расстреливали их в воде. Мы пытались спасти свои семьи из осаждённых городов, — фашисты ставили на курсе транспортов магнитные мины...

Чёрное море не забыло этого, как не можем забыть мы. Врагу не спрятаться в чистых его просторах. Белыми бурунами пены оно отмечает ход их кораблей, увозящих убийц от заслуженной кары. Серебряным блеском сверкает оно под солнцем, выдавая этим тёмные полоски кораблей, доверху набитых палачами, и долго хранит на

ровной глади своей следы кильватерных струй, облегчая черноморским лётчикам поиск врага.

И они находят его. Ненависть обостряет их зрение. В союзе с Чёрным морем и с ненавистью они находят врага во мгле и в тумане.

Однажды черноморские лётчики-гвардейцы Героя Советского Союза Челнокова вышли на штурмовку военных кораблей врага, пробиравшихся к Севастополю. Группу вёл гвардии старший лейтенант Николай Пысин. В море был дождь, видимость исчезла, только десять — пятнадцать секунд полёта отделяло лётчиков от мгlistой завесы, скрывающей береговые скалы. Соседняя группа вернулась, гвардейцы продолжали поиск. Туман лежал до самой воды, и заданной цели лётчикам найти не удалось. Тогда Николай Пысин, пользуясь мглой, прикрывавшей его самолёты от береговых зенитных батарей, повернул к севастопольским бухтам. В одной из них под охраной сторожевого катера прокрадывалась в море немецкая БДБ. Гвардейцы утопили оба корабля точной серией бомб, сброшенных со ста метров.

Сегодня, когда мы беседуем на аэродроме с Николаем Пысиным и его другом, гвардии лейтенантом Александром Гургенидзе, только что приведшими с удара свои эскадрильи, небо солнечно, а море гладко и чисто. Но караван, обнаруженный нынче утром разведкой, сумел запутать следы. Долго и настойчиво искали его в море гвардейцы, почти до предела горючего. Наконец показались три транспорта, каждый в три тысячи тонн, под охраной шести БДБ и сторожевых катеров. Удар был нанесён — эта группа лётчиков утопила транспорт, одну БДБ, повредила охранный катер, и по свежим следам за караваном помчались другие штурмовики добивать врага.

Оба эти морских лётчика-гвардейца стоят друг друга. Оба они — командиры эскадрилий, у обоих по два ордена

Красного Знамени, у обоих более пятидесяти боевых вылетов только за время с начала боёв за Крым и у обоих все вылеты «результативные»: гибель вражеского корабля или серьёзное его повреждение.

Оба они говорят не о себе, а о своих воспитанниках. У Гургенидзе «молодёжь» прошлогоднего выпуска из школы. Но за каждым из них по полсотне боевых вылетов и по два ордена: Кузнецов Георгий, Дымов, Бурштейн, Шумилов. У Пысина такая же молодёжь, воюющая всего год. Но и у него все лётчики имеют те же полсотни боёв, у многих из них по два ордена: Благодарев, Пётр Бабкин, Василенко, Казаков.

И оба друга в своё время «присаживались». У Гургенидзе, штурмовавшего под Керчью зенитную батарею, немцы разнесли стабилизатор и сорвали элерон. Он всё-таки повёл подбитый самолёт на свой аэродром. Двадцать пять минут он вёл его, изо всех сил вытягивая ручку обеими руками. Руки отказывались тянуть ручку. Тогда Гургенидзе охватил её ногой, вцепился руками в борт и так, противодействуя стремлению самолёта закопаться в землю, довёл его до своего аэродрома...

— Устал очень,— кратко подытожил он рассказ.

Пысина сбили над Темрюком осенью прошлого года, он сел в плавни в 30 километрах за линией фронта и вернулся вместе со стрелком через фронт. Второй раз он упал с простреленным мотором в воду. Самолёт утонул. Пысин четыре часа плыл в море, уходя от занятой немцами Анапы. Когда его вытащил катер, обгорелые его руки уже не чувствовали холодной воды...

И, наконец, оба в один голос говорят о своём командире Герое Советского Союза Челнокове в одинаковых выражениях:

— Мы своим лётчикам передаём только то, чему нас самих командир учит. Будем так драться, как он,— и

остальные, на нас глядя, немцам насолят. Вы на него в бою посмотрите — поймёте...

А как лётчики умеют «насолить» немцам, показывает один факт. Незадолго до перебазирования сюда, лётчики подполковника Челнокова штурмовали в Судаче десантные баржи, собравшиеся вывозить немцев в Севастополь. Четыре уже отошли от берега, когда на них налетели наши морские штурмовики. Три были потоплены на глазах у немцев и румын, производивших посадку на остальные, стоявшие ещё у берега, четвёртая загорелась. Войска отказались грузиться на баржи и двинулись к Севастополю пешком.

Так сказать, обучение показом...

Настойчивость и стремление во что бы то ни стало поразить врага отличают всех лётчиков соединения подполковника Манжосова. Штурмовые самолёты висели над морскими коммуникациями врага, делая в среднем по два-три боевых вылета в день. Однажды гвардейцы бернулись на базу, не отыскав каравана. Сели злые, помолчали, пока техники заправляли самолёты, — и вновь пошли над морем. Уже не имея данных разведки, превратившись в разведчиков сами, они всё же нашли караван. Гвардейцы Гургенидзе и Пысин штурмовали двумя группами караван и из трёх транспортов по тысяче тонн один утопили и два повредили. При этом стрелок-радист Борисов сбил одного «МЕ-109» из воздушного сопровождения каравана. Тут же лётчики подразделения Героя Советского Союза майора Степаняна младшие лейтенанты Попов и Глухарёв атаковали другую группу каравана. Из двух БДБ они утопили одну и зажгли вторую, уничтожили торпедный катер охраны и подбили сторожевой корабль.

Мы рассматриваем фотоснимки этой штурмовки, — таково правило морских лётчиков привозить с моря «квитанции». Торпедный катер, снятый со ста метров, отчётливо виден на воде белым пятном пены, брызг, огня и

дыма: он взлетел вместе со своими торпедами. Рядом продолговатым неуклюжим четырёхугольчиком видна на воде БДБ. Немцы строили эти БДБ для вторжения в Англию, а воевать им пришлось у нас на Чёрном море. Кстати сказать, это судно несправедливо называют баржей: это сильный, живучий боевой корабль с хорошим ходом, с мощной зенитной артиллерией, с водонепроницаемыми отсеками и даже с кое-какой бронёй. На её палубе возле чёрных пятен людей, стреляющих из зенитных автоматов, только что встал первый росток взрыва. На второй фотографии, сделанной самолётом группы прикрытия несколькими секундами позже, этот дымок разросся уже в огромный клуб, закрывший всю палубу. Третий снимок — на отходе — свидетельствует о том, что здесь была БДБ, только широким пятном пены, масла и взбаламученной воды.

Мы перелистываем альбом. Что ни штурмовка, то и гибнущие корабли... Дымные клочья, водовороты пены, тонущие транспорты, белые пятна бомб, разорвавшихся у самого борта, уничтожающих осколками людей, продырявливающих корабли... Хромая, они уйдут от удара лётчиков Манжосова, чтобы через три-четыре часа попасть под новый удар их соседей — лётчиков дальней авиации Черноморского флота...

Таманский, керченский, новороссийский счета здесь уже закрыты и положены в архив. Лётчики завели новый — крымский счёт. В подразделении Героя Советского Союза Челнокова с начала крымского наступления основные ведущие группы гвардии старших лейтенантов Пысина и Гургенидзе и гвардии капитанов Покалюхина и Николаева утопили 23 корабля врага, из них 5 транспортов до 3 тысяч тонн и 11 БДБ, и серьёзно повредили 22 корабля, из них 6 транспортов и 11 БДБ. Все эти пловучие средства в основном были нагружены гитлеровскими войсками, перевозимыми из Крыма на другие фронты.

Почти такой же счёт имеет подразделение гвардии майора Степаняна. Его лётчики, дважды и трижды орденосцы Попов, Юсуп Акаев, Андрей Божок, Глухарёв, Удальцов, отработали новый метод бомбометания, требующий огромной выдержки, спокойствия и отваги, но дающий стопроцентный эффект.

В одном из боёв их группу вёл Герой Советского Союза Степанян. Результат: из трёх крупных транспортов в 3—3,5 тысячи тонн утоплено два, третий сильно повреждён, утоплены торпедный и сторожевой катера, повреждены одна БДБ и два катера, а из воздушной охраны метким огнём штурмана Удовиченко и стрелка Петра сбито два «Фокке-Вульфа».

Работа черноморских лётчиков на дальних морских коммуникациях врага началась в Крыму в условиях перебазирования, на взорванных аэродромах, на голом месте, когда первое время лётчики жили «под крылом», когда не было ни базы, ни мастерских и техники голыми руками ремонтировали самолёты, «набравшие барахла», то есть порядочное количество пуль и осколков. Но ждать базы было некогда. Так с самых первых дней освобождения Крыма в сводках Совинформбюро стали появляться сообщения об ударах черноморских лётчиков по кораблям врага.

Лётчиков-черноморцев вела в бой великая ненависть и жажда скорее вернуть родной Севастополь. Семьи погибших там друзей, призраки стариков и женщин, потопленных в Чёрном море фашистами в тяжёлые месяцы осады, стоят перед их глазами. И когда на ровной морской глади появляются перед штурмовыми самолётами тёмные четочки вражеского каравана, лётчики-черноморцы безошибочно и точно посылают свои бомбы в корабли врага.

На них — гитлеровцы, немцы и румыны, грабители, палачи, убийцы и воры. Они расхитили богатства благословенного Южного полуострова. Они пожгли здесь деревни

почти на всём пути от Симферополя до Чатыр-Дага. Они разрушили здесь города, взорвали лечебницы и санатории, опаганили Южный берег, превратили в камни Севастополь. Они уничтожили тысячи наших людей, никогда не бравших в руки оружие.

И вот они платят жизнью за жизнь, кровью за кровь, криком за крик, ужасом за ужас.

Это не месть. Это страшнее мести. Это возмездие — страшное, но справедливое.

Долго мы ждали победы. Стиснув зубы, пряча слёзы, собирая все душевные силы, мы отходили, чтобы победить. Победа пришла из глубин нашей родины. Она пришла в величии народного духа, в труде отцов и матерей, в героизме и славе сынов. Она пришла и в Крым, она стоит над Севастополем и над Чёрным морем — и в руках её сверкает холодный меч возмездия.

Мы уничтожаем, а не мстим. Мы просто очищаем нашу землю и море от племени убийц, созданных, выдрессированных и брошенных на наши дома и семьи непревзойдённым убийцей и палачом — Адольфом Гитлером, которого также ждёт возмездие.

На южном берегу

Крутятся и извиваясь по склонам, бежит вверх горная дорога, пробиваясь через густой и высокий лес. Он играет на солнце всеми мыслимыми оттенками зелёного цвета, от тёмной, почти синей глубины, скопившейся в широкой листве огромных деревьев, до ярчайшей, поражающей глаз светлой зелени молодой травы. Крымская весна ликует в горах возрождающейся жизнью, радуя красками, ароматами, щебетом птиц, звонким рокотом горных речек, и голубые тени снегов на близких вершинах струят по склонам прохладу. Благословенный край солнца, гор и моря, простей и мудрый мир природы, раздумчивая и живая тишина... Покой и чистота первозданной красоты...

И вдруг на самом перевале из зелени показываются бойницы, траншеи, доты и рядом — три могильных креста, чёрных с белым: немецкое укрепление. Оно оскорбляет глаз, как плевков на картине.

Мы останавливаем машину и входим в это жилище страха.

Да, здесь жил страх. В самой глубине «завоёванного жизненного пространства», в громадном удалении от какого бы то ни было фронта, стоит это немецкое укрепление неким символом. Немцам не было житья здесь, на полуострове, который они два года считали своим. Они вырубали лес, рыли глубоких траншей, опоясывающих кругом дом, настроили из бетонных труб огневые точки, каменной стеной перегородили шоссе, в три кола поставили проволоку, натыкали пулемётов, гусеницами танков

прикрыли козырьки окопов — и так, прислушиваясь к таинственной тишине горного леса, вздрагивая и обращаясь, сидели они здесь под презрительным взглядом старого Чатыр-Дага, ежеминутно ожидая, что с его крутых склонов, из густых его зарослей, из узких ущелий вырвутся на Южный берег партизаны.

По всему шоссе видны следы этого страха.

Там, где дорога идёт в горном лесу, деревья вырублены метров на полтора по обе стороны каждого поворота: боялись партизанских снайперов. У мостов — огневые точки: боялись партизанских подрывников. Но то и дело встречаются у шоссе битые, сожжённые машины разной давности гибели. Некоторые из них ещё хранят очертания тупорылых транспортёров, широкозадых грузовиков, а порой — кокетливых офицерских лимузинов. Три зимы партизаны заваливали по ночам дорогу, подкладывали мины, взрывали шоссе, подстреливали шофёров, и машины катились с кручи, увлекая с собой в пропасть немцев.

Там же, где дорога бежит по ровному безлесному плоскогорью, немцы пожгли деревни, чтобы население их не кормило партизан. Сергеевка, Шамхай, Ангара — десятки деревень уничтожены. Задымленные голые стены торчат в пышных бело-розовых букетах садов печальным и страшным знаком беды и насилия, и издалека — из Бахчисарая, из Евпатории, из Джанкоя — возвращаются на родные места женщины и дети, выгнанные отсюда немцами. У них нет с собой ничего: немцы не дали на сборы и пяти минут. Они заходили в хаты, лаяли: «*Ver! Ver!*» — и семьи, в чём были, уходили в горькую даль скитаний по захваченной врагом и разграбленной им родной земле.

Многие семьи ушли в горы вместе с партизанами, разделяя с мужьями и сынами страшные лишения. Ни одной ночи на том же месте — постоянные облавы, бои, окружения партизанских отрядов, Голодали и холодали. Люди

забыли вкус соли. Были дни, когда ели траву, заваривали в кипятке мох. Порой удавалось привести из степи скот, и тогда партизанский лагерь оживал.

В вечных боях с карательными отрядами кочевали в горах партизаны, держа семьи «в глубоком тылу». Мы поинтересовались, что могут означать эти слова там, где фронт был кругом, и нам объяснили: «самая середка...» Семьи располагались у вершины горы, а на склонах её кольцом передвигались в боях партизаны. Незадолго до прорыва наших войск в Крым немцы начали новую облаву, четвёртую за эту зиму. Партизан притиснули к самым вершинам. Женщины и дети мёрзли. Тогда партизаны укрыли их от ветра в штабелях срубленного когда-то леса и ушли отбиваться от немцев. Вернувшись после ожесточённого боя, они не увидели штабелей: всё было покрыто глубоким снегом,— он валил трое суток. Десятилетний парнишка Коля Журавлёв рассказывал мне об этом с удивительным спокойствием:

— Под снегом даже теплей было, мы прямо отогрелись, а то ветер да ветер... А мамка ревёт,— не найдут, говорит, нас. Мы откапываться... Роем, роем руками,— а куда его денешь, снег-то? Там же тесно было... Хорошо, наши сверху нашли, откопали...

Коля полностью в немецком обмундировании: зеленоватый френч, лягушачьи штаны, сапоги с шипами, пилотка с пришитой наискось алой лентой: обносились и ободрались, приходилось пользоваться трофеями. В этой последней облаве партизаны дошли до крайней степени лишения. Не было ни еды, ни патронов. Но ещё не разрядились аккумуляторы радио, и газета,— поразительная партизанская газета на обрывке бумаги, на которую ударами щётки терпеливо переведена с набора краска,— сообщала новости с далёких фронтов. На последнем яростном дыхании держались люди в начале апреля, и в день, когда командиры вышли к отрядам с известием о прорыве

наших войск в Крым, громовое «ура» потрясло горы. В тот же день партизаны скатились с гор грозной лавиной местн. Они помогали частям Красной Армии в освобождении Симферополя, добивали отступающие отряды немцев на дорогах к Севастополю. На юге они ринулись на Ялту, Алушту, Массандру, перехватывали немцев на пути бегства.

И вот Южный берег расстилается под нами прекрасным видением, знакомым миллионам советских людей. Край здоровья и отдыха — обезображенный, расхищенный, изуродованный.

Алушта... В ней осталась примерно половина санаториев — и то лишь стены: инвентарь разграблен. Вокруг сожжённые деревни. Одна из них — Улузень — уничтожена совершенно: боязнь партизан. По этой же причине другая большая деревня, Устькут, окружена сплошным кольцом минных полей; людей на работы выводила из неё секретными проходами полиция. Для возможности обстрела подходов к Алуште вырублено множество садов, уничтожены целые гектары виноградников. Мосты на ялтинском шоссе были заминированы, но их спасла алуштинская молодёжь: вслед за немецкими подрывниками они прокрались к мостам и вытащили до полутора тонн взрывчатки.

В Алуште мы разговаривали с военнопленными немцами. Один из нас завёл речь о литературе. Солдаты мялись: они читали только дубовые «вицы», — тупые немецкие шутки в журналах. Зато обер-ефрейтор Пауль Форайтер решил блеснуть культурой перед своими солдатами и перед русскими офицерами. Он из зажиточной семьи, учился в университете, у отца была машина, на которой он катался в Шлезвиге, и поэтому в армии он стал шофёром. Он сыпал именами авторов, которых он читал (запнувшись, впрочем, на Гейне) — Гёте, Лессинг, Шиллер, Эберс...

— Энгельс,— подсказал я.

— Яволь, конечно, Энгельс...

— А что вы больше всего любите у Энгельса?

Он самодовольно усмехнулся:

— Я так много читал, что не смогу вспомнить названий. Я большой поклонник литературы, особенно немецкой. Вам странно слышать это из уст солдата?

— Нет, отчего же,— сказал я.— Но всё-таки, что больше всего вам нравится у Энгельса? Роман его или пьесы?

— Пьесы,— ответил обер-ефрейтор.

Я смотрел на этих пленных немцев, готовых угожливо и подобострастно отвечать на любой вопрос, и мне вспомнилась тяжёлая сцена в Евпатории. Мы сидели там вечером в русской семье, пережившей два с лишним года немецкого господства. Нам было весело, мы смеялись,— и вдруг хозяйка, прислушавшись, встала. Из-за стены доносились глухие рыдания.

— Кому нынче счастье, кому горе,— сказала она.— Соседка... Была днём на раскопках за вокзалом. Мужа нашла там в яме... И сынишку...

Вспоминая об этом, я глядел на ефрейторскую морду, с подстриженными усиками, на гитлеровского молодчика, радующегося плену и безопасности, охотно беседующего о литературе. Такие, как он, убивали во рвах наших детей и женщин. Пусти его сейчас на волю, верни его в волчью стаю,— он нёс бы нам новое зло, жёг бы дома, убивал бы беззащитных людей. Он — немец, наглый в успехе и подлый в неудаче, зверь, когда чувствует свою силу, и трус, когда чувствует силу другого. Крепче держите пойманных палачей, друзья!..

Не ему ли работник пионерского лагеря в Артеке, Николай Фёдорович Гнеденко, сказал свои последние тихие слова, исполненные человеческого благородства? Это было в первые дни прихода немцев на Южный берег. Немцы шли по Артеку, постреливая в статуи, раскрывая ударом

сапога двери, оглядывая наших людей. Они повели с собой жену Гнеденко, еврейку. Николай Фёдорович взял её за руку:

— Что ж, пойду и я. Мы одинаковые люди.

Его расстреляли вместе с ней в очередной партии, подлежавшей фашистскому уничтожению.

Когда вы вернётесь в сказочный свой лагерь у синего моря, дети, вспомните о благородстве души обыкновенного русского человека. Пусть память о нём будет вечно жить в Артеке, в приюте юности, вступающей в жизнь.

В печальном зрелище разрушений, разграблений и бед, причинённых немцами и румынами Южному берегу Крыма, запоминаются отдельные картины. Дико и странно было увидеть в Гурзуфе, в прекрасном когда-то здании лечебных процедур санатория РККА, коновязь, кормушку, навоз. На рубильнике мраморной распределительной доски в кабинете «горного солнца» — кварцевых ламп — висела ещё уздечка, подтверждая, что здесь, в лечебнице, немцы держали лошадей. Почему и зачем нужно было превращать в конюшню целый и исправный дом здоровья, — нам, русским, никогда не будет понятно.

Дом в Гурзуфе, в котором жил Пушкин, разграблен. В комнатах музея грязные следы румынского постоя, наспех брошенные вещи, отвратительное бельё, воняющее из угла, и на паркете следы костра. Жильё не чище конюшни. И на огонь этого костра пошёл ствол того кипариса, к которому Пушкин каждый вечер ходил на свиданье, как к другу. Тонкий пенёк его стоит у двери, и только пушкинские слова на разбитом мраморе доски свидетельствуют о том, что кипарис этот мы сберегали долес ста лет.

Ялта. Она производит впечатление не разрушенного города. Но лучшие дома на набережной — это только стены. Санатории, как везде, разграблены. Двадцать три (почти половина ялтинских здравниц) сожжены. Двена-

дцать из них немцы сожгли при последнем уходе, остальные — в январе 1942 года, когда десант наших моряков в Керчь и Феодосию заставил немцев приготовиться к оставлению Ялты.

Здесь мы узнали, как ялтинцы ходили в Симферополь в поисках хлеба и продуктов. Немцы давали пропуск только на группу в десять человек, — и все десять обязаны были вернуться вместе. Известен случай, когда одна из женщин, не осилив долгого пути пешком по горам, слегла в Симферополе. И остальные девять ждали её выздоровления, тратя обмененные продукты на оплату почлега, на взятки и на собственное питание. Через месяц группа вернулась в Ялту к голодным семьям с пустыми руками.

Было огромной радостью увидеть в Алушке изумительный Воронцовский дворец. Немцы разворовали здесь все полотна передвижной выставки Русского музея, часть фарфора и ковров, но основные ценности дворца-музея спасены его работниками.

Разнежившись на крымском солнце, немецкий комендант Алупки и всерьёз поверил, что Крым стал немецким навеки. Да и как не поверить: сам фельдмаршал Манштейн получил в дар от Гитлера всё Кичкинэ в качестве личного имения. Дачи и санатории разбирались генералами, присматривалось подходящее имение для Розенберга, и сам комендант тоже отхватил себе усадьбу рядом с Алупкой. Всё как будто устанавливалось прочно, навсегда. И комендант, любитель искусств, решил сохранить для будущих гостей Воронцовский музей.

Дворец был принят им под его покровительство и объявлен немецким музеем. Комендант даже лично присутствовал при посещениях комиссии, приехавшей из Берлина для отбора ценностей, достойных храниться в германских музеях. И тут началось трудное время для работников музея.

Они усердно расхваливали комиссии копии, выдавая их за подлинники. Редчайшее полотно английского художника Хогарта «Политик» привлекло внимание берлинского эксперта. Один из работников музея поспешил объяснить, что это копия, — очень хорошая, но всё же копия.

— Я думаю, — сказал немец с самодовольной тупостью. — Если бы это был подлинник, он висел бы в Дрезденской галлерее...

И эксперта поспешно провели дальше. В библиотеке немцы отобрали некоторые редкие книги на итальянском и французском языках. Но воронцовское собрание русских книг, а вместе с этим и ценнейшую коллекцию гравюр удалось спасти.

Из библиотеки есть ход в так называемую «железную башню», где и находились эти сокровища. Дверь туда сделана в виде двери книжного шкафа. Немцы открыли ряд стелльных шкафов. На четвёртом пустом шкафу немцы перестали интересоваться стелльными дверьми, а пятая — вела к башне...

Но тактика генерала-мецената, репившего сохранить музей для будущих гостей из Германии, не получила одобрения офицерства. Они начали «изъятия» своим способом. Капитан Дитман срезал низы портретного ковра Фед-Али-шаха, висевшего при выходе на львиную лестницу. Мы посоветовали повесить здесь плакат: «Украдено капитаном германской армии Дитманом».

Другой капитан украл из музея французскую бронзу — статуэтку Психен. Она была установлена на мраморе, и стащить её незаметно было нельзя. Капитан начал тщательную подготовку к воровской операции. Четыре дня он аккуратно посещал китайскую комнату, где на камине стояла Психея, и старался остаться там один. На пятый день Психея исчезла, а постамент остался. Оказалось, капитан германской армии все четыре дня терпеливо сви-

чивал крепления статуэтки — и под конец всё-таки стащил Психею.

Всё побережье от Феодосии до Севастополя и дальше, у Евпатории, представляет одно и то же зрелище. На пляжах минные поля, траншеи, проволока, доты, хитрые препятствия из поставленных на ребро санаторных коек, управляемые из дотов фугасы. Это — следы ещё одного страха: страха перед десантом с моря.

Есть такое английское выражение — «fleet in being» — флот в существовании. Оно означает, что сила флота измеряется не только теми боевыми действиями, которые он ведёт, но и самым фактом наличия его на данном море, потенциальной его угрозой. Укрепления на всём побережье Крыма — великолепная иллюстрация к тому, какое значение имел и имеет на Чёрном море существующий там наш флот. В Крыму немцы везде держали гарнизоны в ожидании возможного десанта. В Румынии всю войну порядочное количество войск сидело в береговых укреплениях в готовности отразить возможный десант черноморского флота.

После взятия Севастополя мы снова проехали по Южному берегу, на этот раз дорогой через Байдары. Нельзя было покинуть Крым, не насладившись одним из прекраснейших в мире зрелищ, возвращённых нам победой. У Байдарских ворот мы остановили машину и пошли к ним пешком.

Голубым, фиолетовым дрожащим маревом распахнулось за каменной аркой море, высокое, как небо, и не отделимое от него. Взгляд, утомлённый за часы дороги теснинами ущелий, нависшими скалами, близкой зеленью деревьев, вдруг уходит в ослепительный голубой простор, — и не можешь понять, где в нём начинается небо и где кончается море. С этой огромной высоты оно не лежит, а стоит перед глазами, и глаз не может найти

линии горизонта. Если можно где ощутить — почти увидеть — бесконечность, это может быть только здесь.

Сколько раз я любовался отсюда Чёрным морем, но никогда ещё эта мысль не приходила ко мне с такой золнующей ясностью. Бесконечная даль — даль пространства, времени, славы — расстилалась передо мной. Далёкие горы невидимых берегов как будто ясно виднелись в дрожащей дымке. Боевые походы славян, предков наших и современников, ожили в волшебных переливах голубизны.

И на валких дубовых челнах, на высоких деревянных кораблях, белеющих громадами парусов, на стройных стальных крейсерах, несомая вперёд и вперёд ударами грубых вёсел, свежим брамсельным ветром, рокочущим пением турбин,— плыла по Чёрному морю слава русского флота, плыла в века, в бесконечность грядущих времён, бессмертная, великолепная и огромная, как само Чёрное море.

Севастополь

Над всем широким полукольцом фронта от Северной стороны до Балаклавы воздух гремит, раскалывается, гудит, перекатывая грохот залпов: идёт артиллерийская подготовка штурма Севастополя. Снаряды тяжело шеледят над головой, непрерывно и бескончаемо, — и временами кажется, что мы находимся под сплошным металлическим сводом, перекинутым от наших огневых позиций к переднему краю немцев.

На гребне знакомой высоты, длинным горбом выгнувшейся перед наблюдательным пунктом, вдруг прорастает высокий и частый лес: у правого края гребня одно за другим быстро встают в ряд фантастические деревья из земли и дыма. Стена гибели ещё стоит над немецкими дотами и траншеями, покачивая свою пышную чёрную листву, а рядом с ней, продолжая её, уже прорастает на гребне новый лес, — и не успевает он слиться в сплошную пелену, когда ещё левей вновь взвиваются к небу тесным и точным рядом чёрные дымы.

Это гвардейские миномёты дали по высоте 282.0 три последовательных залпа. На минуту-полторы общий гул стрельбы заглушается плотным рокотом их разрывов, как будто длинная очередь пулемёта, тысячекратно усиленного в звуке и в разрушительной силе, простучала рядом.

К исходу первого часа весь горизонт перед нами уже неразличимо затянут дымом и пылью разрывов. Тёмные облака всё выше встают над горами, отделяющими нас от Севастополя. Гроза разразилась над немцами — гроза гнева, расплаты, возмездия.

В начале войны Севастополь дал родине драгоценные восемь месяцев задержки немецкого наступления. Оттягивая на себя войска, предназначенные немцами для удара через Керченский пролив на Кавказ, продолжая оставаться в их тылу опаснейшим плацдармом и угрозой, Севастополь выигрывал в войне время, так нужное родине для подготовки встречного удара. Моряки и красноармейцы держали Севастополь, а далеко от них, в глубине огромной нашей страны, на Урале, в Сибири, в Средней Азии, разворачивалась военная промышленность, ковалась оружие победы.

И вот во всей великолепной мощи оно пришло сюда — оружие, созданное родиной за два года разлуки с Севастополем. Оно пришло освободить героический город, чья самозабвенная борьба помогла рождению этого оружия: Густой бас тяжёлых орудий и оглушающие хлопки штурмовой артиллерии, яростная скороговорка гвардейских миномётов, ураганный вой стремительных «Илов» и высокое гуденье бомбардировщиков, прерываемое тяжкими плотными ударами бомб...

Если б люди, которые великим своим трудом бойцов глубокого тыла создали это оружие, могли бы увидеть его вот так — всё разом, в общем согласном действии, в могучей силе одновременного удара! С какой гордостью и удовлетворением слушали бы они этот голос победы, подготовленной их собственными руками!

Позже, на скатах Сапун-горы, мы увидели следы этой прошумевшей грозы. Все три километра склона были изрыты, всё было в свежих огромных ямах. Земля здесь вся перевернута травой вниз. Сперва нас поразило малое количество трупов, — мы знали, что вся гора была занята немцами. Но, бродя по склону и натываясь на торчащие из земли руки и ноги, на стволы орудий, заваленные камнями, на прутья арматуры дотов, которые выглядывали из жёлтой ямы причудливыми букетами засохших, пере-

путавшихся ветвей,— мы поняли, что здесь видимых следов ожидать не следует: между двумя соседними воронками было едва три-четыре шага не тронутый металлом земли.

Только так можно было прорвать сильнейшую оборону немцев на Сапун-горе, как, впрочем, и в других узлах сопротивления. Если бы не удалось добиться такой плотности, силы и меткости огня, то при первой же нашей атаке исправно отработали бы все минные поля, и все немецкие доты, дзоты, щели, огневые точки встретили бы атакующих ливнем свинца.

За Сапун-горой мы зашли в оставленный бежавшими немцами бетонный дот. Он живо напомнил мне доты линии Маннергейма: такие же толстые стены, броневые укрытия, узкие амбразуры, таблицы пристрелянных до метра рубежей, солиднейшее убежище в нижнем этаже... Сила такой крепости, на которую немцы потратили два года труда, могла быть раздавлена только прямым попаданием.

Однако это не значит, что после такой блестящей артиллерийской подготовки нашей пехоте оставалось лишь пройти триумфальным маршем: высота Безымянная, расположенная возле Сапун-горы, встретила батальон Дебальцевского полка жестоким огнём, и там, спасая от него товарищей, ринулся на амбразуру дота красноармеец Н. Афанасьев. Он был убит, но тело героя закрыло амбразу — и рота прорвалась...

Словно какая-то сила восторга, торжества и жажда окончательной победы несла людей на траншеи, доты, на орудия и пулемётный огонь отчаянно сопротивлявшегося врага, несла вперёд, к Севастополю. Последние километры до него наши передовые части прошли одним рывком, за несколько часов — штабы не успевали отмечать продвижение частей. К середине дня 9 мая войска ворвались в город. Начались уличные бои.

Они закончились к ночи, а рано утром мы пробирались

к Севастополю, лавируя на машине по шоссе между войсками, орудиями, танками. Всё это стремилось к Херсонесу для последнего расчёта с немцами: там, на мысу, вдающемся в море, у немцев был подготовлен последний рубеж для прикрытия посадки на пловучие средства. Обогнать эту лавину было невозможно. Мы оставили машину и пошли пешком.

С жадностью я всматривался в медленно раскрывающуюся передо мной картину великого города. Раннее солнце сияло на небе, по-утреннему бесцветном, и вода бухты, не отражая ещё яркой синевы, блестела светлой гладью. Справа, на скалах, лепились крохотные домики Корабельной стороны, зияющей тёмными пятнами сгоревших кварталов: лишь изредка радовали глаз целые крыши и садики. Слева, на зелёной высоте Исторического бульвара, виднелось здание панорамы севастопольской обороны. Издали оно казалось целым, но обугленный каркас купола чернел на небе острыми прутьями, торчащими, как иглы тернового венца — знака страдания и мук. У выхода в море бессмертным видением флотской славы вставал из воды старый Константиновский рavelин. Чёрный дым покачивался над центром города высоким столбом. Гудели в небе штурмовики, идущие на Херсонес, грохотала за Рудольфовой горой артиллерия, добивая там немцев. На высоких развалинах адели флаги, поставленные ворвавшимися ночью в город первыми нашими бойцами.

Всё это навсегда запоминалось на медленном шаге. Торжественное раздумье волновало сердце. Каждый камень передо мной был дважды полит русской кровью его защитников.

Если бы я поддался чувству, я стал бы на колени и земным русским поклоном поклонился бы великому городу двух оборон, мученику двух осад, огромной могиле тысяч героев, братьев моих по морю, по чести, по оружию.

Шоссе спустилось в Лабораторную балку, и первые сева­стопольские дома, лепясь по горе, встретили нас. Тут, неподалеку от вокзала, в кювете шоссе, мы увидели пер­вого немца, убитого в уличном бою.

Он лежал в пыли п ничтожестве, навзничь, в зелёном своём лягушачьем одеянии. В левой его руке был зажат автомат, в правой — курица. Хозяйка домика, увидев, что мы с удивлением рассматриваем эту карикатуру, не­ожиданно воплотившуюся в действительность, пояснила:

— Это, как к вечеру стрельба пошла, он заметался, схватился бежать, — заскочил к соседке на двор, ухватил курицу — и вниз... Тут его наши и подстрелили..

Мы пошли дальше, дивясь на это свидетельство не­истребимой тяги к грабежу, переселивающей в немцах страх.

Вокзал открылся перед нами грудой камней, дыбом вставшими рельсами, длинными рядами вагонов с фашист­ским гербом: холодильники, пассажирские, товарные, платформы... Десятки их были сброшены немцами в мо­ре, но эти остались.

В бухте за вокзалом, накренившись, стоял пловучий кран, взорванный немцами, а за ним по всему берегу бух­ты торчали из воды мачты и трубы, мостики и надстройки немецких кораблей, потопленных бомбами наших лётчи­ков. Чёрными обломками стен виднелся по берегу разру­шенный порт, и группы наших бойцов уже тушили пожар большого склада.

Знакомой дорогой над бухтой мы поднялись от вокза­ла к улице Ленина. Совинформбюро два года назад сооб­щало: «За все 8 месяцев обороны Севастополя враг по­терял до 300 000 своих солдат убитыми и ранеными. В боях за Севастополь немецкие войска понесли огромные потерн, приобрели же — руины».

Да, это так. Одни руины. Город разрушен десятками

тысяч бомб, сброшенных на него немцами за время осады. Мы прошли все главные улицы города — и не видели ни одного целого дома. Только два — водная станция «Динамо» и санаторий имени Сталина возле неё — похожи на дома. Все остальные разрушены. Дом Красного флота, библиотека, театр, Исторический музей, новое кино, гостиницы «Интурист», «Франция», «Приморская», штаб флота, чудесный дворец на горе — филиал ДКФ, огромный Дом подводников, Сеченовский институт, Дом специалистов на улице Карла Маркса — всё это или торчащие стены, или просто высокие груды камней.

С волнением подходили мы к Приморскому бульвару. Я искал глазами вздымающуюся из воды белую колонну, с которой орёл осеняет широкими крылами бухту, — памятник погибшим кораблям, затопленным черноморцами в первой осаде. За деревьями бульвара вздымался тот огромный столб дыма, который был виден ещё издали, — у берега горел танкер, подорванный нашей авиацией и прибившийся к бульвару. Памятника не было видно, и горькое чувство кольнуло меня.

Но внезапный порыв ветра сильно качнул облако дыма — и на мрачном его фоне великолепно и празднично просияла стройная белая колонна. Она пронесла чёрный немецкий дым светлым видением несокрушимой, неуничтожаемой силы. И на миг мне показалось, будто я вижу, как из руин и дымов, из развалин и пожарниц вновь встал над бухтой прекрасный город — целый, великолепный, в зелени и в цветах, живой и счастливый город-герой, воспитавший два поколения верных сынов отчизны — севастопольцев.

Так будет. Кончится война — и родина восстановит Севастополь, колыбель мужества, верности и славы, во всей его величавой красе, и памятники героям второй обороны станут на высоких скалах над Чёрным морем, и здание панорамы второй севастопольской обороны займёт

другую высокую гору, перекликаясь с первой, и венец двойной славы осенит Севастополь.

Но сегодня...

Сердце сжимается при взгляде на город. Отвратительные следы немецкого сапога оскорбляют великие могилы. Против Сеченовского института физических методов лечения — изуродованного, разрушенного, вызывающего к мести печальным видением обезглавленных снарядами статуй — стоит аппарат дымовой завесы, баллон, манометр. Рядом немецкая надпись: «Не приближаться, ядовито!» Это же предупреждение повторено на румынском языке. Русского перевода нет: не беда, если русский человек и отравится просачивающимся из баллона газом.

Для русских — другие надписи. У Владимирского собора, стена которого развалена снарядом, стоит на углу разрушенной улицы плакат-окрик: «Кто пойдёт дальше, будет застрелен. Портовый комендант». Здесь начиналась запретная зона — Карантинная бухта, Рудольфова гора: там было несколько уцелевших зданий, в которых жили немцы...

Возле этого плаката мы встретили двух седых женщин, и от них мы впервые услышали то, что после подтвердили все встреченные нами редкие жители Севастополя.

Начиная с 25 апреля по кварталам Зелёной горки, Воронцовой горы, Корабельной слободки, где в уцелевших маленьких хатках только и жили севастопольские семьи, начали ходить с облавой немцы. Заходили в дома с короткой командой «Вег! Вег!» Забирали всех подряд: стариков, женщин, детей.

Их отвели в Стрелецкую бухту и начали грузить на баржи и транспорты — на палубу. В трюмы же пошли немцы. Русским объясняли: «Когда лётчик будет бомбить — машите платками, показывайте детей, плачьте, кричите!..»

Так немцы, терпя от нашей авиации и торпедных катеров большие потери в караванах, прибегали к чудовищ-

ному способу маскировки. Мы знаем случаи, когда немцы гнали перед собой в атаку русских женщин и детей, прикрываясь ими от нашего огня. Но эта «маскировка» не имеет себе равной по подлости.

И это преступление немцев надо записать на их кровавый счёт.

Из разговоров с севастопольцами мы узнали, что в городе всё время выходила подпольная газета «За родину». Её издавали неведомые нашим собеседникам люди. Но о газете слышали все; те, кто сам не читал её, получали новости из уст других. Все события войны: победа под Сталинградом, наше зимнее наступление, прорыв в Крым — всё было известно севастопольцам. Мы встретили женщину, которая через машинистку управления водоканалом доставала бумагу и передавала её для газеты знакомому, а тот уже отдавал «неизвестно кому». В строгой тайне выходило несколько экземпляров газеты. В том потоке клеветы и лжи, которым немцы пытались отравить сознание советских людей, правдивое слово о войне, самое напоминание о родине было делом огромной значимости. Оно стоит подвига на фронте. И делу этому лучшие люди Севастополя отдали свои жизни: 10 апреля немцы расстреляли восемь подпольщиков-коммунистов...

Вечером 10 мая в Севастополе был салют. Это был изумительный салют победителей: город и армия ликовали. В небо взвивались ракеты одна за другой целый час подряд. По небу чертили огненные трассы. Где-то бухали орудия. На гребне холма, против домика, где мы расположились ночевать, мы увидели даже чёрные разрывы, вздымавшиеся на бело-красно-зелёном фоне ракет: кто-то за неимением ракет рванул на радостях парочку-другую трофейных гранат...

В ту ночь немцы ещё держались на Херсонесском мысу, пытаясь грузиться на последние транспорты и баржи.

Оттуда доносился другой салют: их бомбила наша авиация, обстреливала артиллерия. И я подумал: с каким чувством отчаяния и безнадежности смотрят немцы из своих дотов, из траншей, с пристаней на сияющий огнями город победы.

Мы выгнали их из Севастополя, мы добивали их остатки на мысу. Чёрное будущее приоткрыло перед ними завесу. Настанет день — и они так же будут цепляться за тот последний клочок земли, который будет ещё в их руках, а мрачная бездна гибели будет ожидать их так же неотвратимо, как ждало их в тот вечер глубокое Чёрное море за последней линией траншей.

Свидание моё с Севастополем было кратко. Мы должны были покинуть его. Утром перед отъездом я поднялся на гору в центре города — к собору, на разрушенных стенах которого уцелели мраморные доски с именами черноморских адмиралов, защитников Севастополя в первой осаде: Нахимов, Истомин, Лазарев, Корнилов.

Я был здесь один-на-один с великим городом. Бухта синела внизу. Море уходило в бесконечную даль. Севастополь сбегал к нему ступенями лестниц, развалинами домов, садами, бульварами. Всюду, куда хватал глаз, виднелись одни руины — рассыпавшиеся дома, недвижимые трупы кварталов. Зелень листвы пробивалась в мостовых, одичавшая сирень лиловела в камнях.

В благородном молчании доблестной воинской смерти лежал передо мной великий город Черноморского флота, уничтоженный немцами, но не сдавшийся. Я смотрел на его руины и думал о том, что дивная слава Севастополя будет вечно жить в сердцах людей.

Город на скалах — он сам стоял в двух оборонах, как скала. Город у моря — он сам несёт в себе душу моря, бессмертную, гордую и отважную. Город южного солнца — он сам сияет в веках слепительным блеском военной доблести.

И вот что осталось нынче от него: скалы, море да солнце. Да бессмертная слава, которая возродит эти груды камней.

Торжественная могучая тишина истории плывёт над развалинами,— истории, созданной моими прадедами и творимой моими современниками. Дыхание веков проносится над городом, унося в будущее двойную славу Севастополя, славу двух оборон.

И в отблеске этой славы я вдруг ощутил собственное бессмертие. Оно лежало на моей груди круглой пластинкой бронзы на светлозелёной ленте. Я был один здесь на горе: я снял с груди своё бессмертие и поцеловал его — севастопольскую медаль, которой родина приобщила меня к бессмертной славе бессмертного города.

Никогда с такой силой не ощущал я счастья и гордости принадлежать к великому народу, жить в великой эпохе и быть свидетелем великих дел. На высоком холме разрушенного Севастополя в час его освобождения, в день возрождения его к жизни я с необычайной ясностью понял это.

Из-за одного такого мгновения стоит жить.

Сладостен миг победы. К ней, к победе, друзья! Все силы для неё, все мысли, все чувства.

К победе, друзья,— с великим Сталиным, с великим народом!

Апрель—май 1944 г.

В Констанце

Бы́л тихий лунный вечер, когда я вышел на балкoн отеля «Палас» в Констанце. Великолепно и широко расстилалось впереди Чёрное море, с воздушной лёгкостью уходя вдаль на восток. Если бы человеческий взор мог преодолеть эти восемьсот километров голубизны, то прямо перед собой я увидел бы разрушенные и обугленные дома Туапсе. Полтора года тому назад, в такую же тихую лунную ночь, я стоял на обломках туапсинского мола и так же смотрел через Чёрное море на запад, сюда, на Констанцу.

Большой военной судьбой связаны два этих города на Чёрном море. Оба они расположены на сорок четвёртой параллели и на карте выглядят как две чашки весов, поставленных на длинное коромысло, протянувшееся через всё море. И как на всяких весах — когда одна чашка идёт вниз, другая подымается вверх.

Было время, когда Туапсе был в страшной опасности, граничащей с небытием. На горах, вплотную у города, красноармейцы и моряки едва сдерживали напор врага, и только узенькая прибрежная полоска оставалась в наших руках. Как высоко взлетала тогда другая чашка черноморских весов — Констанца! Одесщина была «Трансистрией», немцы с румынами дошли до Волги, в Крыму они разводили огонь на паркете пушкинского дома в Гурзуфе. И тысячи весёлых писем шли отсюда, из Констанцы, в тысячи заманчивых адресов — в Симферополь, в Таганрог, в Ростов, в Новороссийск. Самые раз-

Изданные, самые сногшибательные мечтанья, казалось, уже осуществились, и слова «Великая Румыния» не сходили с уст жителей этого города, расположенного прямо против другого — разрушенного бомбами, сожжённого, разваленного Туапсе, где только катера и моряки были живыми в мёртвенном его опустении.

Но не всё ещё было положено на весы войны. Из глубины Советской страны хлынули на врага неостановимым и всё ускоряющимся потоком русский металл, советский вооружённый народ, сталинская воля к победе. И качнулись весы, и чашка Констанцы медленно, но неудержимо пошла вниз. Всё тяжелее, всё пригнетающе падали на неё весомые слова сталинских победных приказов: Новороссийск, Ростов, Таганрог, Севастополь, Одесса, Измаил, Сулина, пока последний приказ — Констанца — не прижал чашку весов к последнему пределу.

И на огромную высоту победы, гордого покоя и военной славы взлетела другая чашка весов, и развалины Туапсе сияют немеркнувшей славой на той стороне Чёрного моря. Ибо там, на Кавказе — у Новороссийска, Геленджика, Туапсе — рождалась в тяжких боях обороны черноморская победа. Она обошла кругом всё Чёрное море в боях по побережью, она пересекла Чёрное море в морских боях, и несколько дней назад румынские корабли подняли белые флаги перед вошедшим в Констанцу русским флотом, перед нашими кораблями, перед морской пехотой, завершившей огромный и славный путь в боях по побережью от Туапсе до Констанцы.

Я нашёл здесь, в Констанце, старых друзей по войне: капитана 3-го ранга Павла Державина, Героя Советского Союза, и капитана 1-го ранга Давыдова, впервые встреченных мною в начале войны в осаждённой Одессе; капитана 2-го ранга Проценко, с которым виделся под Но-

вороссийском; капитана 2-го ранга Дьяченко, знакомого по последним боям за Севастополь. Они были здесь вместе со своими кораблями и катерами, начинавшими войну на Дунае и под Одессой. Я нашёл здесь питомцев бессмертного черноморского героя Цезаря Кунникова — краснофлотцев морской пехоты батальона майора Фёдора Катанова, с которыми я беседовал в героические дни десанта в Станичку в Новороссийске полтора года назад.

Именно у них, у моряков майора Катанова, я и был в гостях в отеле «Палас» в румынском городе Констанца. Приказанием контр-адмирала героям Сулины, Тульчи и Констанцы был дан короткий отдых в этом отеле на берегу моря — отдых заслуженный и нужный. За два дня боёв они прошли более шестидесяти километров по горло в липкой и грязной воде придунайских плавней.

Только что закончился митинг моряков. На нём были оглашены два приказа Верховного Главнокомандующего, посвящённые взятию Сулины и Тульчи, взятию Констанцы. В этих приказах отмечались и боевые заслуги моряков майора Катанова. И в ушах у меня ещё звучит голос Фёдора Катанова, сказавшего правдивые слова:

— В Одессе мы поклялись, что пройдем по трупам врагов в Сулину. И мы сделали это. В Сулине мы поклялись пройти с победой и без потерь в Констанцу. Мы сделали это. Моряки слов на ветер не кидают. Нынче перед народом, перед товарищем Сталиным мы клянемся выполнять все боевые приказы ещё лучше, чем делали до сих пор.

Тесно прижавшись друг к другу, слушали его моряки, заполнившие всю залу ресторана. Моряки сидели в своих пёстрых камуфляжных костюмах и бескозырках, многие с автоматами в руках. Перед ними на эстраде стояло

непобедимое их знамя — морской флаг на древке. Они водружали его на горящих домах Таганрога, Мариуполя, Николаева после яростных матросских штурмов с моря, — флаг, пронесённый по болотам и плавням румынского побережья, флаг, перед которым читается уже пятый благодарственный приказ товарища Сталина. А на другой стене зала, за спинами моряков, распластал свои плоские крылья немецкий орёл, и колючие готические буквы кричали со стены: «Наша верность и наша вера — это наша честь и наша победа», — немецкий девиз, опрокинутый и разоблачённый войной и самими немцами. Где немецкая честь и победа? Где верность их союзников и фашистская вера? Всё это сметено напором русского народа.

Немецкий орёл уже не держит свастики в горделивом полёте над разорёнными полями Европы и России: он просто вцепился в неё, чтобы хоть за что-нибудь держаться, и смотрит со стены маленькими испуганными глазками на спины русских моряков, на ленточки бескозырок. И то, что моряки презрительно сидели к орлу спиной, было неким символом: и орёл этот был конченный, и свастика — пустым украшением, и готические слова — не имеющими смысла и правды, и вся парадность пышной немецкой стены морского клуба была просто смешна. Реальной правдой была наша военная сила, наша победа.

Флотская честь и матросская верность народу и Сталину и привели сюда моряков майора Катанова далёким и трудным путём по всему побережью — от Туапсе до Констанцы. Чем иным, как не флотской честью и верностью, можно объяснить бой на косе севернее Вилкова? Немецкая группировка была прижата сухопутными войсками к морю, и для врага оставался один путь к спасению — через косу, отделяющую залив от моря. Но сюда, на оконечность косы, ночью высадились с катеров

моряки майора Катанова. Корабли Героев Советского Союза Державина и Гнатенко и контр-адмирала Горшкова поддерживали высадку флотским огнём.

Коса была перехвачена, катановские моряки приняли на себя удар немецких тысяч, отчаянно прорывавшихся через косу и просторы румынской степи. Немцы осыпали моряков снарядами и минами, пытаясь опрокинуть этот внезапно возникший на пути заслон. Но падали не моряки, падали немцы под точным огнём моряков-автоматчиков, под ударами кинжалов моряков, бросавшихся им навстречу, под огнём с кораблей и катеров. Немцы падали кучами, как падали когда-то румыны в балочках под Одессой. И когда к утру трупы легли третьим слоем, немцы поняли, что через морской заслон не пройти. Тогда они побросали оружие — и моряки расступились, пропустили мимо себя парадом две тысячи пленных, дали им для охраны шестерых автоматчиков и погнали в Одессу!

Неумолчный голос мести живёт в душах катановцев. Возмездие справедливое, грозное — в каждой их пуле: Тени погибших друзей были с ними в бою на косе Вилкова. Имя Цезаря Кунникова, погибшего в Станичке, имя лейтенанта Ольшанского, героя штурма Николаева, звучали в бою — и страшной мезтью за них был огонь моряков. И вот, пройдя за двое суток по горло в болоте тяжёлый путь, моряки вошли вместе с Черноморским флотом в Констанцу, и чистое их знамя — бело-голубое полотнище флотского флага — стоит в вестибюле отеля «Палас» под почётной охраной, и каждый из моряков, начиная с самого майора Катанова, проходя мимо флага, вытягивается в струнку и поворачивает к нему серьёзное лицо и отдаёт честь, оглашая румынский отель чётким стуком строевого шага.

Уходя, я прошёл мимо него. Так же знамя стояло у лифта, спадая лёгкими волнами складок, и синяя вода

Чёрного моря пропитала край его полотнища. Гордость наполнила моё сердце. Мы в Констанце, в румынской флотской базе — и кто знает, где, в каком городе я увижу вновь это покрытое славой флотское знамя, флаг морской пехоты — символ мужества и верности советских моряков?..

Констанца, 5 сентября.

В Бухаресте

I

В Бухарест нам довелось въезжать поздно ночью.

Высокая, почти полная луна висела над городом. Всё было безлюдно и беззвучно, всё замерло и притихло. Низенькие дома предместий, залепленные вывесками, размеры которых тем больше, чем меньше лавчонки под ними; широкие проспекты центра с безмолвными каменными громадами, дворцы, министерства, посольства, увешанные флагами; церкви и церковки, возвышающиеся над домиками окраин и забившиеся в щели меж храмами торговли на главных улицах, тёмные аллеи бульваров и плотные купы садов, за чугунной оградой которых бегают особняки богачей, щеголяя друг перед другом тщеславной выдумкой дорогооплаченной архитектуры; бесчисленные площади — просторные или крошечные, бесчисленные памятники на них — воинственные или сентиментальные: короли в мундирах на крутошеих конях, солдаты в комбинезонах с гранатами и винтовками, государственные мужи в пиджаках, ангелы в широких, зубчатых крыльях..

Чужой город чужой страны был красив, но в этом бледном свете высокой луны он удивительно напоминал собою театр, опустевший к ночи, когда спектакль окончен, зрители разошлись по домам, и декорации, оставленные на сцене, освещены слабым светом далёкой дежурной лампочки. Зал, где недавно звучали патетические сло-

ва, победные фанфары и аплодисменты зрителей, восхищённых блеском и пышностью спектакля, тих и пустынен. Трезвая реальная жизнь вошла в царство бутафории и лицедейства, и медленные, спокойные шаги одни звучат на пустой сцене — это сторож обходит пустой ночной театр, хозяйски поглядывая, не оставил ли кто из актёров окурка. Шаги приближаются к нам, и мы видим красноармейский патруль — единственно реальных людей в призрачном этом городе лунных декораций.

Кровавая мелодрама, сочинённая скверным драматургом Адольфом Гитлером и поставленная на румынской сцене не менее бездарным режиссёром Ионой Антонеску,—сыграна. Всё, что в ней казалось кому-то существующим на самом деле,— победы, завоевания, богатства, слава, — всё исчезло с последним актом. Фантастическая «Транснистрия» снова стала советской Одесщиной, Крым попрежнему недоступно отделён от Румынии просторами Чёрного моря, и нового во всём этом только то, что и на дне этого моря, и в степях Одесщины, и в горах Крыма лежат кости тех, кому авторы постановки поручили самые невыгодные роли. Миллионами жизней заплатил за этот спектакль румынский народ. И смотрит на свою столицу печальная Румыния полей и деревень, залитых слезами вдов и матерей, и безответный вопрос стоит над страной: зачем же всё это было?.. Зачем?

Страшна участь народа, который позволил кучке преступников решать свою судьбу.

Удивительно, как многие понятия, вошедшие в плоть и кровь, здесь, в чужой стране, освещаются новым светом и приобретают новую силу и новую могучую правду. Мы привыкли говорить о моральном и политическом единстве советского народа. Мы настолько сжились с этим бесспорным положением, что весь его победный смысл, всё величие этого качества нашего народа уже

естественно для нас, как естественно для человека дыхание, которого он не замечает. Здесь, в стране, которая нашей военной и политической мощью выбита из седла, понимаешь заново эти слова во всём их великом значении.

Огромная война за нашими плечами, тяжкие годы лишений и жертв, трагедий и потерь. Мы помним московскую осень 1941 года, мы помним Одессу и Севастополь, Ленинград и Новороссийск, Сталинград и Воронеж. Были дни безмерной тяжести, которой, казалось, не мог выдержать народ. Но никогда, ни разу за все годы войны в сердце советского человека не поколебалась уверенность в том, что войну мы выиграем, несмотря ни на что.

Эта уверенность, казавшаяся странной и фанатичной тем, кто не знает свойств советского народа, не могла бы существовать, если бы в течение четверти века советского строя народ наш не приобрёл бесценного и могучего качества — морального и политического единства. Этой уверенности в победе не могло бы в нас быть, если бы власть, ведущая нашу страну, не была бы подлинно народной властью, и если бы партия, прокладывающая наш курс по истории человечества, не была бы подлинно народной партией — плотью от плоти и кровью от крови каждого из нас!

Гитлеровцы говорили в начале войны: Советский Союз, обладающий громадными пространствами, огромными запасами сырья и неисчислимыми человеческими резервами, мог бы выдержать наш натиск, если бы его населял один народ. Но Советский Союз — это «географическое понятие», искусственное сочетание различных национальностей, средоточие перекрещивающихся интересов. Стоит внести разлад между этими многочисленными национальностями — и гигантская страна рухнет!

И гитлеровцы пытались натравливать украинцев на русских, белоруссов на украинцев, эстонцев на русских... Всё это оказалось глупейшей мечтой. Советские народы единой стеной встали за свою общую Родину — и казахи умирали за Москву, грузины за Севастополь, украинцы за Ленинград, русские за Кавказ, азербайджанцы за Волгу. Одни и те же слова, с которыми наши войны шли на смерть и к победе, звучали на разных языках: «За Родину! За Сталина!»

Единство наших народов, единство стремлений, чаяний, убеждений и надежд — вот что спасло нашу Родину в тяжких испытаниях неслыханной войны, вот что привело её к победе.

Здесь же всё было иначе: был один народ, но вели его политические авантюристы, преступные сообщники гитлеровской клики, каждый из которых думал о чём угодно, кроме блага своего народа, своей страны. Трагическая слабость румынского народа, лишённого единства, пять лет назад отдала его во власть фашизму. Румыния стала покорным и угодливым сателлитом Гитлера.

Конечно, были и в Румынии подлинные патриоты своего народа. Но они тонули в общей массе — растерянной, разбредшейся, лишённой единства, стремлений, чаяний, убеждений и надежд. Казахская пословица говорит: «Если ты потерял в степи дорогу — иди с народом: море не высохнет, народ не заблудится». Здесь всё было вразнобой, каждый тянул в свою сторону, каждый искал для себя своей надёжной ямки во вращающихся жерновах истории.

Представители румынской интеллигенции, с которыми нам довелось встречаться, — офицеры, учителя, врачи, журналисты, — в разговорах с нами пытались убедить нас, что сопротивление Гитлеру в 1939 году, когда решалась судьба Румынии, было бесполезно. Русский человек — я не могу этому поверить!

Сопротивление танку со стороны одного бойца тоже кажется бесполезным. Но под Севастополем моряки один за другим выходили на единоборство с танками и кидались под них, обвешанные гранатами. Дело не в силе врага, а в силе собственного мужества, собственной верности своему народу, своей Родине. Нашлись же в занятой немецкими войсками Франции, в маленькой Чехии, в Польше, в Дании люди, которые встали за свой народ, за честь и счастье своей страны, и сумели же героические патриоты Югославии заставить могучую немецкую военную машину, бывшую тогда ещё в полной своей силе, забуксовать на месте на долгие три года.

Страшнее всего для человека — сделка со своей совестью. Тот, в ком на секунду мелькнула удобная и ядовитая мыслишка: «А может быть, немец мне ничего не сделает? Может быть, и с немцем можно будет прожить свою маленькую жизнь?» — тот уже отдал немцу свою душу, свою волю, свою честь. Я слушал некоторых румынских офицеров, которые уверяли меня в том, что 1939 год был для них самым тяжким, что немецкое иго было для них позорно и возмутительно, что они только и мечтали о том, когда удастся сбросить его и жить так, как требует их честь и совесть, — и бесполезный вопрос готов был сорваться с моих губ: почему же вы не попробовали скинуть это ненавистное иго, почему же вы так охотно шли туда, куда вёл вас Гитлер? Я не задавал этого вопроса; я знал, чем были войска маршала Антонеску в Одессе и в Крыму, и я знал, что мечта о «Великой Румынии» до Волги и Кавказа несовместима с мыслями о сопротивлении немцам.

Этот призрак величия и славы, безумная мечта, непонятная и чуждая румынскому народу, увлекли часть интеллигенции, румынскую военщину, воспитанную Антонеску и ныне в большинстве своём пребывающую в рус-

ской земле и на дне Чёрного моря. Они пошли вабанк, протянув руку Гитлеру, забыв о том, что разлад между народом и людьми, пытающимися внести его, приводит к краху и гибели, и не понимая, что победу добывает народ, а не кучка авантюристов.

История ещё раз доказала всю обречённость такой попытки.

В ядовитом угаре фашистских побед времён разгрома Франции и оккупации Балкан лишь немногие сохранили в Румынии трезвую голову и способность видеть вещи такими, как они есть. В начале войны в осаждённой Одессе мне приходилось беседовать с пленными румынскими офицерами, кому посчастливилось уцелеть в той гигантской мясорубке, которую представляла Одесса, день и ночь уничтожавшая румынскую армию. Все они твердили одно и то же, и лишь один сказал о войне с нами довольно разумную вещь. Это был немолодой лейтенант, офицер запаса, преподаватель истории в гимназии. Я спросил его: неужели он, человек, окончивший университет, изучавший историю и знающий её тяжкие уроки, всерьёз думает, что румынский поход на Россию — дело реальное и выполнимое? Он устало качнул головой:

— Спросите об этом Антонеску и его офицеров. Для них история Румынии начинается с Гитлера..;

— И кончится на нём же?

— Вероятно..;

— Вместе с историей Румынии?

Он пожал плечами:

— Вот это зависит от вас, русских..: Если вы будете и дальше убивать их так, как убиваете здесь, то некому будет тащить Румынию в пропасть — и, может быть, Румынии удастся остаться Румынией..;

В конце войны, через три года, этот разговор почти повторился. На этот раз я говорил не под Одессой, а под Бухарестом, и не с полуштатским лейтенантом-резервистом, а с кадровым полковником М-ку, дравшимся против немцев ещё в прошлую мировую войну. Он провёл эту войну здесь, в городке, где мы заночевали на пути в Бухарест, на охране каких-то складов, и единственный бой его был пять дней назад, когда он со своим полком остановил и разоружил проходившую мимо немецкую часть. Теперь он готовил полк к походу в Трансильванию.

— Вы можете улыбнуться,— сказал он, усмехаясь сам,— но вышло так, что Румынию спасли вы, русские. Здесь, внутри, мы не могли бы справиться сами с гитлеровской бандой Антонеску..:

Он вдруг оборвал себя и нахмурился:

— Впрочем, для вас это только слова, лесть побеждённого... Вы не обязаны им верить... Если вы будете на фронте в Трансильвании, спросите русского генерала, как бил немцев полковник М-ку и его полк:

Полковник М-ку был прав: мы верим не словам, а делам.

Утром мы пошли по городу. Освещённый ярким солнцем, он имел теперь совсем иной вид. Шумная жизнь наполнила его улицы. Пышно разукрашенные полицейские в позументах, в нашивках, в аксельбантах, грохочущий трамвай с двумя классами — первый вагон для господ почище, второй для «простонародья», машины, пронсящие по мостовой, раскалённой солнцем, но почему-то не поливаемой. Крикливые рекламы и эффектные выставки разноцветных эрзацев в витринах. Тайнственно прикрытые решетчатыми ставнями окна богатых особняков, в которых притаилась враждебная нам замкнутая жизнь, окружённая безвкусной роскошью. Нестерпимо

галдящий рой торговцев, запрудивших улицы лотками со всякой мелочью. Нарядно одетые люди за столиками кафе, на панелях, на подушках странных высоких пролёток, — коммерсанты и дельцы, испуганно посматривающие на нас и шепчущиеся друг с другом, похожие на сошедшие со старых плакатов фигуры буржуев: цепочка через всё огромное чрево, не вмещающееся между коленями, свисающие щёки, маленькие глаза. Стандартно красивые их женщины — тщательно набеленные лица, матово-бледные, несмотря на палящее солнце, обрамлённые хитроумными причёсками и поражающие тёмнокрасным выворотом губ (мода предписывает нынче иметь «грешные рты»). Два наших бойца, сидящие за чашкой кофе, обмениваются мнениями:

— А что — хороши... — сказал один.

Другой махнул рукой:

— Ты их под край поставь, а потом говори. Нет, брат, наши рязанские понадёжнее, без обману...

Другое достижение европейской моды — короткие платья, выше колен, ноги обязательно без чулок и удивительные туфли совершенно без задков, показывающие голую пятку, — вызвало новое его справедливое замечание:

— Материалу нехватает, отсюда и мода.

На этот раз его поправил первый боец:

— Не в том дело. Традиция получилась: на фронте они все пятки показывали, вот и в столицу мода перекинулась...

Люди, одетые попроще, толпятся вокруг каждой нашей машины, вокруг каждого нашего бойца или офицера, — расспросы, улыбка, желание оказать помощь при поисках дороги. По улице проходит демонстрация с со-

ветскими и румынскими флагами, с плакатами: «Вперёд вместе с русскими на Трансильванию».

На улице Братиану, главной магистрали города, огромная толпа сгрудилась вокруг пыльных военных машин. На них румынские солдаты и офицеры с оружием, в касках, на радиаторах румынские флажки, а ведёт колонну русский капитан с боевыми орденами. Это прибыла сформированная из недавних пленных румын новая боевая часть, направляющаяся на фронт против немцев. Бухарестцы рассматривают их, ахая и удивляясь. Пожилой человек обращается к нам с чисто южной непосредственностью:

— Подумать только — нас убеждали, что русские всем пленным румынам отрезают нос и уши... Это же совершенно целые ребята. Они даже отъелись там у вас, в плену...

Фашистская отравка ещё туманит сознание многих румын. В одном из городков под Бухарестом жена агронома рассказывала нам, что в первые дни даже интеллигентные люди опасались выходить на улицу и тряслись по домам, ожидая «русских эверей». В самом Бухаресте культурная женщина, владеющая языками, корреспондент крупной румынской газеты, расспрашивала нас о положении женщины в Советском Союзе: правда ли, что у вас не знают, что такое семья? Что все женщины обязаны носить один и тот же фасон платья? Что детей немедленно после рождения отбирают в детские дома?..

Если можно ещё как-то понять ту неграмотную крестьянку в деревеньке возле Бузэу, которая долго с застывшим ужасом смотрела на нашего бойца, вошедшего в хату за водой, и наконец, решившись, вдруг подошла к нему и провела ладонью по волосам в поисках рогов, которыми, как её убеждали, снабжены все большеви-

ки,— то слушать такого рода вопросы от журналиста в столице страны, претендующей на европейскую культуру, было просто дико.

Кстати о культуре. Если в Констанце, приморском городе-порте, имеющем 80 000 населения и принимающем наплыв курортников, нет ни своего театра, ни концертного зала, ни своей газеты, а для обучения молодёжи есть только две гимназии и две школы,— тогда о культуре придётся говорить особо.

В семье агронома в городе Бузэу, в доме, до крыши набитом всеми этими очень удобными штучками для мытья, отдыха, приготовления пищи и чистки ковров, двадцатилетняя девушка рассказывала нам, что брат её, сам тоже студент, недоумеваает, на кой чорт понадобилось ей добиваться диплома инженера-химика, когда её дело — поскорее и повыгоднее выскочить замуж. При встречах с учителями, инженерами, чиновниками разговор вяло путается в тёмных дебрях политики, истории, искусства и оживлённо вспархивает лишь тогда, когда коснёшься самой живой и интересной для них темы — обсуждения трудностей столичной жизни и малости заработка. В театре Бухареста мы смотрели скверное ревию с песенками, акробатами, танцовщицами, и на сцене в качестве «оформления» висели гирлянды пошлейших бумажных цветов. В доме помещика, в шкафу, отполированном и сияющем стёклами, на полках стояли подряд цветистые книги — все, как одна, неразрезанные. Главный бухгалтер крупного банка не смог сказать нам во время прогулки по городу, кого именно прославляют бесчисленные памятники Бухареста. В деревне Андреешти, расспрашивая дорогу, я показал записку с названиями пунктов маршрута, и взрослые люди побежали искать мальчишку, чтобы прочесть, что там написано на их, румынском, языке...

Есть чьё-то изречение: «Культура страны измеряется количеством потребляемого в ней мыла». Мировая статистика утверждала, что в своё время более всего потребляла мыло Германия. Война показала, что делают эти чисто вымытые «культурные» руки.

Нам придётся проходить ещё чужие страны. Много внешней блестящей мишуры ослепит ваши глаза, бойцы. Не верьте обманным призракам мнимой цивилизации. Смотрите в сердце страны, ищите душу народа: она не обманет, она покажет вам, какова культура этой страны.

И помните: подлинная культура идёт с вами. Это — любовь наша к человечеству, это муки наши, принятые за него, это мечта наша о справедливости, о дружбе народов, о счастье для всех, кому живётся трудно и плохо. Это жизнь — непобедимая жизнь, рождённая в нашей стране, силой своей удержавшей кровавую руку фашизма, занесённую над миром.

Кончится война, бойцы, и вы вернётесь на родину из чужих стран, пройденных вами в боях. Вновь заживут там чужие народы, всяк по-своему. Но там, где прошли вы, навсегда останется в сердцах след, ибо с вами пропала там высокая человеческая культура, великая душа советского народа, кровью своей омывшего мир в боях за свободу и счастье миллионов людей.

II

Говорят, первое впечатление бывает самым верным. То ощущение театральности, всеобщей фальши, ненастоящей придуманной жизни, которое родилось при первом знакомстве с Бухарестом в лунную безлюдную ночь, продолжало жить во мне все дни, проведённые в этом городе.

Всё здесь ненатурально, всё «сделано» с определённой целью, всё шатко и обманно, всё напоказ, для людей. Призрачным кажется этот город-космополит, где с каждым десятым встречным вы можете говорить по-французски, с каждым третьим по-немецки, город-коммерсант, где всё продаётся и всё покупается, город-интриган, где кишели резиденты Германии, где создавались международные заговоры. Каждый город имеет своё лицо, — здесь я искал это лицо и не находил его. Будто поставили на южном краю Европы зеркало — и все столицы отразились в нём, странно перемешавшись. Румыны называют Бухарест с гордостью «маленьким Парижем». Так же легко можно назвать его маленьким Берлином, маленьким Римом или большой Женевой в конце концов.

Город-призрак, Бухарест как бы скользит над глубинами жизни, над безднами истории, ни о чём не задумываясь. Три года жил он в сладком мираже завоеваний, «владея» огромными пространствами захваченной русской земли, и гигантские финансовые проекты возникали вокруг этих пространств; а когда всё это исчезло, сметённое справедливой рукой истории, финансовые тузы стали осаждать русскую комендатуру с предложениями поставок для Красной Армии.

Здесь свой бог, свой идеал. Во имя его живёт город-торговец, город-спекулянт, и множество его жителей озабочено только одним: как бы повыгоднее продать товар, жену, честь, имя и подешевле — купить сырьё, дом, службу. Как бы получше одеться, обмануть других призраком своего достатка и независимости, чтобы благодаря этому получить лучшее место, большую плату, выгодную невесту, новые деньги. Жена бухгалтера, сама служащая в каком-то предприятии, которая водила нас по городу в качестве гида, обедала вместе с нами, и мы шутили упрекнули её, что она очень скромно ест.

— Мы приучаем себя есть поменьше,— улыбнулась она.— У нас такое правило: сперва хорошо одеться, потом уже всё остальное,—иначе вам не удержаться на хорошем месте...

В газете мне показали наводящее на мысли объявление: «Богатая дама желает выйти замуж за инженера-химика 31 года, блондина, высокого, свободного от военной службы». Заказ чрезмерно точный, но, несомненно, химик-блондин указанного размера и сорта сыщется: в Бухаресте можно найти всё, если есть деньги. Да и наверняка сам он бегает где-то по кафе и дансингам в поисках богатой дамы. Один архитектор, живший когда-то в России, пролил свет на этот вопрос:

— Видите ли, у нас есть понятие, которое у вас, наверное, теперь совершенно забыто: институт приданого. Каждый молодой человек ищет выгодного брака — жену с заводом, с имением, дочь банкира или владельца магазина. Первые годы самостоятельной жизни он весь в долгах, но хорошо одевается, заводит связи, попадает в лучшие дома — и там в конце концов он сделает хорошую партию...

В уличной толпе Бухареста встречаешь огромное количество мужчин призывного возраста. В деревнях таких почти не видно, там женщины, дети, старики. Но разгадку этому мы нашли именно в деревне, где мы остановились чинить лопнувшую резину. Там стоял недавно выстроенный красивый и хороший дом. Оказалось, что хозяин его осенью 1941 года пришёл с фронта из-под Одессы в отпуск, привёз с собой четыре чемодана с золотыми и серебряными вещами, с мануфактурой, часами и прочей «военной добычей». Часть её, на сумму в 200 000 лей, ушла на взятку местному примарю за освобождение от военной службы, а на остальное он и построил себе этот хорошенький домик, быстро и счастливо закончив для себя войну. И сколько ещё таких же

«рыцарей» армии маршала Антонеску вернулось в Бухарест из удачного похода с чемоданами имущества, награбленного в Одессе, в Крыму, на Кавказе?

Благосостоянию румынских хозяев и хозяйчиков сильно помогла возможность пользоваться даровым трудом военнопленных. В деревне Пандерей нас разместили ночевать в доме помещика Иеремию. Самого его и семьи не было — они уехали при подходе наших войск. Этот кокетливый и уютный дом, вернее — богатая вилла, с ванной, с паркетными полами, с кафельными печами, с верандами и хорошей мебелью, обошёлся почтенному Иеремию даром: два года у него работали на полях и ходили за скотом сто советских военнопленных. За этот срок они наработали ему столько богатств, что он смог приобрести и стройматериалы, и обстановку, а весной этого года те же даровые работники выстроили ему этот превосходный дом.

Любопытно, что именно в этом доме я впервые узнал от переводчика, что слово «война» звучит на румынском языке весьма определённо: «разбой».

Первое время нас поражало, что на четвёртом году войны Бухарест живёт нормальной жизнью. Но если война — это «разбой», тогда всё становится понятным.

В самом деле, в меховом ателье висят в витрине чернобурые лисицы и каракули. Откуда, с какого склада Наркомвнешторга вывезены они в Бухарест? В доме, где разместилась наша часть и где раньше стояла румынская, в подвале был склад консервов с цветистой румынской этикеткой. Кто-то из бойцов случайно сорвал её. Под ней оказалась другая, на которой русскими буквами было напечатано: «Наркомпищепром СССР. Одесская консервная фабрика». В королевском педагогическом институте в южной части Бухареста стоят в лабо-

расторжениях физические и оптические приборы с выгравированной на них надписью: Одесский педагогический институт, инвентарный номер такой-то. Костюмы и оркестровые партии опер и балетов одесского театра вы найдёте в национальном театре, а сами партитуры—в библиотеке одного из бухарестских музыкантов. Впрочем, часть костюмов до Бухареста не доехала: бойцы одной части рассказывали мне, что в какой-то деревне их поразили крестьяне в красочных одеяниях времён Бориса Годунова,—всё это разошлось по рукам из вагона, сваленного под откос бомбёжкой. В Констанце вы сможете прокатиться на знакомом одесском трамвае, в Черна-Вода, в Хоршево, в Бузэу найдёте и сейчас по сараям разобранные русские эмки и грузовики. И булочки, которые вам подают в бухарестском кафе, вышечены из доброй украинской муки...

Если вспомнить, что все три года «разбоя» румыны безостановочно выкачивали из Одесщины и Крыма несметные богатства, тогда поймёшь, почему Бухарест до сих пор не чувствует лишений войны. Когда на улицах Ленинграда замертво падали голодные женщины и дети, жители Бухареста поедали нашу муку, наши фрукты, наш скот, курили наш табак и пили наше вино. Столько навезли сюда из Советского Союза, что и теперь ещё завалены склады, и метрдотель ресторана «Лидо» смущается, нечаянно поставив вам на стол знакомую узкую темную бутылку крымского коллекционного вина.— розового муската или старого рислинга.

И кусок становится в горле колом, когда подумаешь, в какую страшную цену русского горя, ленинградского голода, украинского разорения обошёлся он...

Да, в Бухаресте могли жить беспечно. Всё шло сюда, в столицу, к деньгам. В деревни ничего не попадало. Мы видели там оборванных женщин, грудь которых едва прикрыта истлевшей рубашкой, худых детей с тень-

кими, как спичка, ножками, и на столах в хатах стояла одна мамалыга. Здесь же была весёлая жизнь, и война в этом городе не ночевала.

Правда, нам жаловались там, что жить было очень тяжело, что заработной платы хватало только на квартиру, что бывали случаи, когда художник добывал себе на обед ретушью в пошленьких фотоателье, инженер был вынужден работать монтером в магазине, а кое-кто просто ходил по богачам с просьбой дать на обед. Может быть... Но вспомним писателей, художников и учителей Ленинграда, умерших от дистрофии в квартирах, где на полу был слой льда.

Здесь вам со злобой расскажут о немцах, которые закрывали магазины и лишали службы румын, если те с неодобрением отзывались о фашистах. Вспомним о наших русских людях, которых немцы лишали не службы, а жизни, за неснятую при встрече шапку, за косой взгляд, за самый факт проживания в данном месте.

Пет. Бухарест не знал войны. Немцы были в нём союзниками, фронт был далеко, и за каждого посланного им в бой и потерянного солдата он исправно получал от Антонеску по весу: мукой, салом и баранами:

По дороге из Констанцы все встречавшиеся нам румынские офицеры предупреждали нас, что Бухарест мы, собственно, не увидим:

— Подумайте — сперва его бомбили англо-американские самолёты, потом немецкие... Это что-то ужасное... Столько разрушений, весь город в развалинах, вы увидите руины...

Они повторяли это всюду, как бы сговорившись. Было понятно, что они всячески хотят убедить нас в том, что и Румыния пострадала в этой страшной войне, что мы в некотором роде товарищи по несчастью, что война — это война и каждый несёт в ней свою долю страданий и

убытков, но что теперь, когда, слава богу, всё кончено, зечего считается, кто больше потерял и больше пострадал...

Вспоминая это, я искал в Бухаресте разрушений. И точно — часть домов рассыпалась. Попорчены в центре театр, королевский городской дворец, несколько зданий на улице Виктория, есть разрушения в некоторых других районах. Вот собственно и всё.

И, заслоняя улицу Братиану, целую и красивую, всю в высоких домах, на стенах которых нет ни одного следа дыма от пожаров, а в окнах — ни одного выбитого взрывом стекла, в глазах моих трагическим видением встала главная улица другой столицы — Крещатик.

По этой не существующей теперь улице, когда-то самой прекрасной в прекрасной столице Украины, я проходил месяца два назад. Киев, давно уже освобождённый нашими войсками, жил мирной, полной жизнью, забыв о бомбах, пожарах и уличных боях. А в центре его трагическим памятником, обвинительным актом, призывом к отмщению фашистам стоял разрушенный Крещатик. Уже шли работы по его восстановлению, и каждый киевлянин раз в неделю отдавал свой день для работы по разборке развалин. Они были чисто прибраны, подметены, уже убраны были бесформенные груды камней, и голые стены возвышались над панелями в скорбной смертной чистоте.

Я помню пожарища Новороссийска и Курска, раны Одессы и руины Севастополя. Но вид этих чисто прибранных развалин огромной улицы, теряющихся вдаль, был ужаснее всего, что я знал. Самое страшное тут было то, что кругом уже кипела жизнь большого города, что война уже отошла отсюда, и всё казалось тяжёлым сном, а Крещатик, краса и гордость украинской столицы, лежал перед нами бездыханным, недвижимым, пу-

стым, не слыша жизни, шумящей вокруг него, не зная о том, что победа пришла в его город.

Так в шумном большом доме, наполненном жизнью, где по всем этажам раздаётся детский смех, топот маленьких быстрых ножек, музыка и песни, лежит где-то в тихой комнате на столе дорогой сердцу покойник. Он чисто вымыт и приодет, любовно разглажены мёртвые волосы и прикрыты потухшие глаза, и люди, входя в эту комнату, понижают голоса и ступают тихо. Так же шли по Крещатику и мы, говоря вполголоса, осторожно ступая по подметённой панели, и, взглядывая на гигантскую перспективу разваленных великолепных домов, громящихся террасами руин, уступами обрушившихся стен, снимали шапки перед этим зрелищем народного горя.

Не будем говорить теперь, кто больше пострадал и потерял. Есть ошибки, которые не загладишь словами, не исправишь деньгами. Когда мы ходим по Бухаресту, почти целому и нарядному, в глазах каждого русского человека неотступно стоит видение Крещатики, Одессы, Севастополя. И никакая подчеркнутая любезность, никакое занскивание и угодливость не заставят нас забыть то, что пережили наши города, которые могли и не быть разрушенными, если бы Румыния не встала на сторону Гитлера в день нападения его на нашу страну. Испустить это преступление Румыния может только одним: честными и жестокими боями с немцами, честным и добросовестным выполнением обязательств перемирия.

Поразительны великая чистота и благородство русского военного сердца. Истрадавшееся за войну, измученное воспоминаниями о погибших друзьях и братьях, истерзанное видениями разорённых врагом деревень и городов, оно исполнено гнева, но не мелкой мести.

Любой другой народ, дорвавшись до столицы страны,

принесшей ему столько горя и бед, расправился бы с нею жестоко и странно. Русский воин вошёл в неё прекрасным видением мужества, честности и благородства. Вот идёт он—сибиряк, рязанец, украинец, грузин, белорус—спокойный, сильный, какой-то удивительно удобный и ладный в незатейливой своей форме, в пыльных сапогах, прошедших тысячи километров тяжёлых боёв—идёт, твёрдо ступая по панели чужой столицы и поглядывая с любопытством и усмешкой на дворцы и особняки, на витрины и памятники, на опереточных полицейских и плакатных коммерсантов,—и идёт с ним по Бухаресту сама Россия, сам Советский Союз, страна правды и силы, страна воли и справедливости. И что значит на победном пути её одна столица одного государства. Эпизод в великом движении победы, «населённый пункт» на карте для упоминания в сводке, деталь, на которой не стоит задерживаться!.

И, может быть, именно это спокойствие русского бойца, испущенное скрытой мощи, было самым поразительным для жителей Бухареста, с трепетом ждавших входа в столицу «русских зверей».

На эту мысль навёл меня всё тот же полковник М-ку, командир румынского полка в маленьком городе под Бухарестом.

— Я не знаю, как ведут себя ваши солдаты в бою,— сказал он мне.— Но я вижу, как ведут они себя здесь, в стране, которая ими фактически завоёвана. Я видел здесь немцев и итальянцев. Они держались нагло, но я, старый офицер, отлично понимал, что наглость их идёт от трусости. Ваши держатся, как спокойные хозяева... Взглянешь на них — как будто для них ничего не случилось. Вероятно, они страшны в бою, и я рад, что мне не пришлось с ними там столкнуться...

Жители Бухареста ожидали грабежей и насилий, убийства и разгула — всего того, с чем связано для них по-

нятие «взятис города». Ничего этого не случилось. Пришла армия, не виданная ими,— армия воинов, а не убийц, солдат, а не мародёров. И те, кому казалось, что будет так, как было, когда они сами захватывали города, и кто решил под общий шум поправить свои дела, выдали себя с головой.

Под вечер третьего сентября майор Айнутдинов, заместитель командира полка, несшего охрану города, ехал на «Виллисе» по улице далеко от центра. Во втором этаже разбилось стекло, высунулась какая-то женщина и стала кричать. Майор остановил машину, сбежались румыны, ему перевели: «Спасите, русские солдаты грабят квартиру».

Майор с автоматчиком и шофёр кинулись туда. Семь человек в русской форме — один в капитанских погонах, с гвардейским значком на груди, второй с ефрейторскими нашивками, остальные в погонах рядовых — связывали узлы. Валялись разбитая посуда, ложки, платье на женщине было разорвано. Бандиты были схвачены. Только «капитан» и «ефрейтор» говорили по-русски. Они оказались румынскими легионерами фашистской организации «Железная гвардия». Остальные пятеро были немцами.

Второй случай стал мне известен в советской комендатуре города. В сумерках человек в нашей форме с погонами лейтенанта пытался отнять часы у женщины, проходившей по переулку возле улицы Елизабет. Она закричала. Подоспел наш патруль, «лейтенант» оказался румынским дезертиром. Офицерская гимнастёрка на нём была окровавлена...

Бандиты, скрывающиеся немцы, румынские дезертиры, остатки «Железной гвардии» в первые дни кое-где пытались дискредитировать Красную Армию. Но уже на четвёртый день после входа наших войск румынский комендант города Бухареста приехал к советскому с офи-

циальной благодарностью за восстановление порядка в столице.

Перез отъездом я заехал попрощаться в тот полк; который нес охрану города и где у меня завелись друзья: Майора не было. Ожидая его приезда, я разговорился с русским солдатом, подметавшим двор казарм. Пожилой, рябоватый, в белесой гимнастёрке, сожжённой добела солнцем долгих переходов и чисто промытой многими переправами, он деловито орудовал непривычной чужой метлой — тростниковым веником, насаженным на тонкую палочку. Оказалось, он идёт с боями от самого Калинина, сам с Украины, из-под Кировограда. Я задал обычный вопрос: как семья, где она, пишет ли?

— Пишут, конечно..: Только письма не догоняют — вон куда зашги.. Я сам им вчера цидулку написал: стоим, мол, в столице номер один, называется Бухарест, наверное, скоро пойдём дальше. А когда напишу из последней-столицы, называется Берлин, тогда считайте, что война покончилась и скоро вернусь..:

И он улыбнулся широко и весело и снова стал навдуть чистоту на пыльном дворе казарм в центре «столицы номер один».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Под крылом самолёта	3
В Одессе	16
Гнилое море — Сиваш	27
На подступах к Севастополю.	34
На торпедных катерах	45
Возмездие	56
На южном берегу	64
Севастополь	74
В Константице	84
В Бухаресте	90